

Лиса Полярная

УПЫРЬ В СЫСКНОМ АГЕНТСТВЕ

Лиса Полярная
Упырь в сыскном агентстве

«Автор»

2026

Полярная Л.

Упырь в сыскном агентстве / Л. Полярная — «Автор», 2026

Она — шишимора. Болотная ведьма с трёхсотлетним стажем, язвительным характером и двумя лягушками-ассистентками. Он — бывший химик, случайно превратившийся в упыря, с обостренным нюхом и врожденной педантичностью. Вместе они — сыскное агентство «У Шиши». Их клиенты — не люди. Домовые, русалки, лешие и прочая нечисть. Их методы — ведьмовская интуиция, вампирская логика, лягушачье чутьё и иногда здравый смысл. Юмор, магия и отношения в рамках договора ГПХ. Или нет?

© Полярная Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Дело о техномороке.	5
Глава 1. В которой кандидат наук случайно провалил важный эксперимент и очень этому не рад	5
Глава 2. Сыскное агентство «У Шиши», или Собеседование с болотным привкусом	15
Глава 3. Визит перепуганного домового, или Когда техника сходит с ума	22
Глава 4. ЖК «Тихий Омут», или Запах озона и палёного пластика	29
Глава 5. Фитнес-клуб «Русалки на гребне», или Веня знакомится с Валерией Валерьевной.	37
Глава 6. Ёшкин сервис, или Баба Яга под подозрением	43
Глава	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Лиса Полярная

Упырь в сыскном агентстве

Часть I. Дело о техномороке.

Глава 1. В которой кандидат наук случайно провалил важный эксперимент и очень этому не рад

Вениамин Клыков искренне ненавидел ночные смены.

Во-первых, они безжалостно сбивали режим. Во-вторых, в пустом институтском коридоре эхо его шагов приобретало зловещую глубину — такую, что каждый раз хотелось резко обернуться и проверить, не крадётся ли кто следом с явным намерением огреть его тяжёлым, тупым предметом по темени. В-третьих, кофе из автомата на первом этаже имел стойкий привкус пластмассы и горелых зёрен — напиток, который мог оценить разве что человек с полностью атрофированными вкусовыми рецепторами.

Но диссертация «Влияние экстремальных температур на конформационные изменения белковых соединений в среде с пониженным рН» сама себя не напишет, а сроки поджимали с каждой минутой.

— Главное — не отвлекаться, — пробормотал Веня, в сотый раз протирая очки мягкой тканью. — Строго по протоколу: схема уже отработана на лабораторных мышах. Пробирка А-7 — нагрев до сорока градусов, замер показаний, приём внутрь, повторный замер через полчаса. Пробирка Б-7 — нагрев до сорока пяти...

Он говорил сам с собой, потому что поговорить было решительно не с кем. Коллеги разошлись ещё в шесть вечера, пожелав Вене «удачной ночи с реактивами». Это прозвучало двусмысленно, но Веня не обиделся. Он вообще редко обижался — просто записывал обидчиков в специальный блокнот с пометкой «обсудить некорректное поведение», а через неделю неизменно забывал, куда его положил.

Лаборатория гудела ровным, раздражающим светом люминесцентных ламп. На столе выстроились аккуратные ряды пробирок — Веня расставлял их по высоте, цвету содержимого и субъективной степени важности. Беспорядка он органически не выносил. Беспорядок в пробирках ведёт к беспорядку в мыслях, а беспорядок в мыслях — к фатальным ошибкам. Так говорил его научный руководитель, профессор Ложкин. Правда, сам профессор вечно путал колбы и однажды поставил тяжёлую воду в холодильник для образцов — отчего она «обиделась», замёрзла и благополучно разорвала контейнер.

— Пробирка Б-7, — Веня потянулся к штативу, но рука на мгновение дрогнула.

Он замер.

С левой стороны стола стояли две почти одинаковые пробирки. Одна — уже пустая: в ней находился рабочий раствор А-7, который Вениамин уже принял внутрь после нагрева и замера всех показателей. И вторая... с надписью «Осторожно! Только для наружного применения! Не пить!», выведенной красным маркером жирными, пугающими буквами. Это был экспериментальный состав, который Веня синтезировал на прошлой неделе, проверяя теорию профессора о влиянии щелочной среды на белковые цепочки.

Состав получился ядрёным: при контакте с кожей он вызывал лёгкое пощипывание, а при попадании внутрь, по скромным расчётам, должен был парализовать человека. Примерно на полчаса. Сугубо в теории, разумеется.

Веня моргнул.

И взял ту самую пробирку.

— Так, сейчас и её попробуем подогреть, — пробормотал он машинально, ставя пробирку в штатив. — Тридцать семь градусов, температура тела... посмотрим, как поведёт себя...

Он осёкся.

Потому что пробирка, которую он держал в руках, была холодной. А экспериментальный раствор, как он вдруг отчётливо вспомнил, должен быть комнатной температуры, чтобы не потерять активность.

Веня медленно, с нарастающей тревогой, поднёс пробирку к глазам. На ней не было красной надписи.

На ней вообще не было никакой надписи.

— О нет, — одними губами прошептал Веня. — О нет-нет-нет.

Он судорожно оглянулся. На столе, ровно в том месте, где пять минут назад стояла зловещая пробирка, теперь обнаружилась надпись: «Осторожно! Только для наружного применения! Не пить!» — выведенная красным маркером аккуратным профессорским почерком.

Но сейчас в руках у Вени, абсолютно точно и без вариантов, была рабочая пробирка А-7 с раствором для диссертации.

А где-то в его организме, отправившись в увлекательное путешествие по пищеводу, уже находились три миллилитра концентрированной дряни, которая должна была превратить человека в неподвижную статую со стеклянными глазами.

— Я идиот, — констатировал Веня голосом человека, который наконец осознал всю глубину своей гениальности. — Я законченный, клинический, стопроцентный идиот с мокрой ватой вместо мозгов.

Он аккуратно поставил пробирку на место и замер, прислушиваясь к себе. Ничего не происходило. Руки не немели, ноги не отнимались, сознание не мутилось, и мир не стремился перевернуться. Может, пронесло? Может, состав оказался не таким уж ядрёным, как выглядел на бумаге? Может, профессор ошибся в расчётах, и Веня просто выпил безобидную болтушку с лёгким слабительным эффектом?

Веня облегчённо выдохнул.

И тут у него заболели зубы.

— Ай, — удивлённо и жалобно сказал он.

Зубы ныли, чесались и словно пытались вылезти наружу. Веня приоткрыл рот и осторожно ощупал языком передние резцы. На месте. Вторые — тоже. Клыки...

Язык наткнулся на что-то острое. Непривычно острое. Чужеродное.

Веня замер, вытаращив глаза.

Он провёл языком ещё раз. И ещё. Острое не исчезало. Наоборот, казалось, что оно становится длиннее и внушительнее с каждой секундой.

Веня подбежал к зеркалу, висевшему над раковиной в лабораторном углу. Из зеркала на него смотрел бледный молодой человек с взлохмаченными волосами, испуганными глазами за толстыми линзами очков и... клыками.

Настоящими клыками. Длинными, острыми, устрашающе белыми. Они аккуратно выглядывали из-под верхней губы, придавая Вениному лицу выражение вежливого, но крайне голодного хищника, который только что потерял членский билет в общество вегетарианцев.

— Я... — Веня открыл рот шире. Клыки стали ещё заметнее. — Я вампир?

Ответом ему были молчание и ровный, равнодушный гул ламп.

— Я упырь? — уточнил Веня, примеряя новое звание, как неудобный костюм. — Я стал нежитью? В тридцать два года? Без выслуги лет и без пенсионных накоплений?

Он судорожно схватил телефон и набрал в поисковике: «Что делать, если выпил странный реактив и выросли клыки».

Поисковик вежливо, но с явным сарказмом предложил: «Возможно, вы имели в виду: что делать, если выпил странный реактив и выросла температура?».

— Температуры мне только для полного счастья не хватало, — простонал Веня, отбрасывая телефон.

Он закрыл рот. Клыки упёрлись в нижнюю губу. Он открыл рот снова — клыки остались торчать с прежней вызывающей гордостью.

— Это чудовищно неудобно, — пожаловался Веня пустой лаборатории. — Как я буду есть? Как я буду разговаривать? Я же теперь буду шепелявить, как первоклассник без передних зубов!

Он попробовал произнести: «Здравствуйте, меня зовут Вениамин Клыков». Получилось: «Здравствуйте, меня зовут Вениамин Клыков». Шепелявости не было и в помине. Клыки, словно по волшебству, не мешали артикуляции — как будто росли там всегда.

— Ладно, — Веня выдохнул с облегчением. — Хотя бы с этим повезло.

Но расслабляться было рано. Потому что следом за клыками пришло обострение обоняния.

Сначала Веня просто почувствовал, что в лаборатории пахнет... ну, как обычно: реактивами, дезраствором, немного пылью и старой мебелью. А потом запахи стали расслаиваться, становясь всё детализированнее. Веня уловил запах резиновых перчаток в закрытом шкафу на другом конце комнаты. Запах вчерашнего кофе в чашке профессора Ложкина, которую тот, по своей вредной привычке, забыл помыть. Запах плесени за раковиной, о которой никто не догадывался. Запах лабораторных мышей, беспокойно возившихся в клетках в соседнем помещении.

— Это слишком, — сказал Веня и громко чихнул.

От чиха его с силой отбросило к стене.

— Что за... — он потёр ушибленное плечо.

Он чихнул ещё раз — и снова отлетел, теперь уже к шкафу с лабораторной посудой. Пробирки жалобно и тревожно звякнули.

— Я чихаю, как реактивный двигатель, — констатировал Веня с нарастающей паникой. — Это решительно ненормально.

В поисковике он набрал: «Чихание с эффектом отдачи после превращения в упыря».

Поисковик равнодушно ответил: «Показаны результаты по запросу „чихание с эффектом отдачи после употребления лекарств“. Возможно, вам нужна медицинская помощь?»

— Мне нужен профессор Ложкин, — решил Веня. — Он создатель этой дряни. Он обязан знать противоядие.

Он схватил телефон и набрал номер научного руководителя.

— Абонент находится в недоступной для магии зоне, — сообщил механический голос с нечеловеческой интонацией. — Или просто не хочет с вами разговаривать. Попробуйте позже, когда станете менее неживым.

Веня подождал, пока голос закончит издеваться, и набрал снова.

— Абонент не может подойти к телефону, — сообщил голос с навязчивой заботой. — Оставьте сообщение после сигнала. Или не оставляйте. Мне всё равно.

— Это что, шутки такие? — возмутился Веня в пустоту. — У операторов сотовой связи?

Он набрал третий раз, уже чувствуя, как начинает закипать от напряжения.

— Абонент не давал согласия на звонки упырей, — лаконично и холодно сообщил голос. — Но вы можете попробовать позвонить позже. Вдруг воскреснете.

Веня уставился на экран с ощущением, что реальность дала трещину. Связь не обрывалась, но вместо обычных гудков в трубке теперь звучало нечто странное — далёкое, тягучее, словно эхо в пустом колоде, ведущем в преисподнюю.

А потом голос произнёс то, что явно не входило в стандартный набор автоответчика ни одной известной компании:

— Вениамин Сергеевич, вы теперь официально зарегистрированы в Иномирье. Звонки в Явь будут проходить с помехами. Для связи с живыми настоятельно рекомендуем использовать мессенджеры. Это не реклама.

— Что? — прошептал Веня, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

— Конец связи, — равнодушно добавил голос, и только тогда в трубке раздались короткие гудки.

Веня медленно опустил телефон. Иномирье? Регистрация? Какое, к бесам, Иномирье?

Он хотел перезвонить, но телефон вдруг погас и загорелся снова, сменив привычную заставку на непонятный символ — перевёрнутую каплю в круге, мерно пульсирующую тёмно-красным.

— Это просто глюки, — сказал он себе как можно убедительнее. — Нервы. Превращение в упыря, стресс, хронический недосып...

Веня бросил телефон на стол. Телефон обиженно пискнул и окончательно погас.

— Отлично, — сказал Веня с ледяным спокойствием обречённого. — Просто отлично. Лучше и быть не могло.

Он посмотрел на часы. Было три часа ночи. До рассвета ещё далеко; сидеть в лаборатории, где на тебя смотрит собственное отражение с клыками, было страшно, а выходить на улицу в таком виде — тем более. Что, если он встретит кого-нибудь? Что, если его увидят с клыками и вызовут охотников на нечисть? Существуют ли вообще охотники на нечисть в современном мире? И если да, работают ли они по ночам или у них нормированный график с девяти до шести?

Веня решил не рисковать понапрасну. Он наскоро прибрал лабораторию, закрыл её, спустился на первый этаж и вышел через запасной выход во двор института.

Ночной воздух ударил в ноздри ураганом запахов, словно кто-то включил все сенсоры на полную мощность. Веня пошатнулся и схватился за холодную стену. Он чувствовал запах каждого дерева во дворе. Запах каждой кошки, пробежавшей мимо за последние сутки. Запах мусорных баков за углом, который раньше старательно игнорировал. Запах сырого мяса из круглосуточной шаурмичной через дорогу — и этот запах был настолько умопомрачительно вкусным, первобытно манящим, что у Вени потемнело в глазах и свело скулы.

— Гематоген, — прошептал он, сам не понимая, откуда в его лексиконе взялось это слово. — Хочу гематоген. Гематогеновую шоколадку. Срочно. Прямо сейчас. Иначе я кого-нибудь укушу. И это будет очень некрасивая история.

Он заставил себя оторваться от стены и решительно пошёл в сторону единственного круглосуточного магазина в округе.

В магазине, к счастью, было пусто. Только сонная продавщица листала ленту в телефоне, зевала и не обратила на Вению решительно никакого внимания. Веня просочился к витрине со сладостями и уставился на полку так, словно от этого зависела его дальнейшая судьба.

Гематоген был. Три вида: классический, с орехами и с витаминами. Веня, не раздумывая, сгреб всё в корзину.

— Много берёте, — равнодушно заметила продавщица, пробивая покупку без малейшего интереса.

— Я... это... для научных целей, — процедил Веня сквозь зубы, стараясь не улыбаться и не показывать клыки.

Продавщица посмотрела на него с лёгким подозрением, но промолчала — мало ли у ночных покупателей причуд. Веня схватил пакет и вылетел из магазина, чуть не задев дверную ручку плечом.

Гематогеновая шоколадка с орехами исчезла за две секунды. Вторая — так же. Третью Веня жевал медленнее, с наслаждением прикрыв глаза и тихо постанывая от удовольствия. Никогда в жизни он не ел ничего вкуснее. Никогда в жизни он не думал, что бычий гемоглобин с сахаром и пальмовым маслом может вызывать такое чистое, безграничное блаженство.

— Я сошёл с ума, — решил Веня, облизывая шоколадные пальцы. — Я окончательно и бесповоротно сошёл с ума. Я стал упырём, который обожает гематоген. Что дальше? Я начну бояться чеснока? Спать в гробу? Покупать чёрные плащи с алым подкладом по акции?

Он доел третью шоколадку и почувствовал, что его неумолимо клонит в сон — причём не в обычный, человеческий, а в тяжёлый беспробудный, почти похоронный. Глаза слипались, как будто их намазали клеем, ноги подкашивались, а в голове пульсировала одна-единственная мысль: «Спать. Спать. Спать. День — не моё время. Ночь — моё».

Веня кое-как добрался до дома и рухнул на кровать, даже не раздеваясь и не снимая очки.

Проснулся он в шесть часов вечера.

— Ничего себе поспал, — просипел Веня, с ужасом глядя на часы. — Четырнадцать часов. Я проспал четырнадцать часов подряд! Это новый абсолютный рекорд!

Он встал, прошлёпал босыми ногами в ванную и посмотрел в зеркало. Очки определённо мешали. Сняв их, Веня осознал, что зрение волшебным образом восстановилось. И этим идеальным зрением он увидел, что клыки никуда не делись. Они по-прежнему торчали изо рта с той же вызывающей уверенностью, придавая ему вид вежливого, но неизбежно голодного хищника, случайно забредшего в мир людей.

Веня вздохнул, тщательно почистил зубы, умылся и поплёлся на кухню в надежде найти хоть что-то съедобное.

В холодильнике было почти пусто: огрызок засохшего сыра, напоминавшего по консистенции пластилин, да банка солёных огурцов. Веня посмотрел на сыр без малейшего интереса, на огурцы — с лёгким отвращением, а потом его взгляд упал на недопитую банку томатного сока, стоявшую в самом низу дверцы.

В его новой упыриной голове что-то отчётливо щёлкнуло.

— Томатный сок, — прошептал Веня с благоговением. — Солёный. С мякотью. Идеально.

Он залпом допил полбанки, не отрываясь. Достал из шкафчика вторую и открыл её с той же решимостью. Потом задумался: почему раньше он относился с прохладцей к томатному соку, который в промышленных масштабах консервировала на даче его заботливая матушка, а теперь готов пить его литрами, как живительный эликсир?

— Потому что ты упырь, Вениамин, — сказал он сам себе сурово. — Упыри любят томатный сок. Это медицинский факт. Наверное.

Он сел за кухонный стол и уставился в одну точку на обоях. Мысли ворочались медленно, как сонные мухи в зимней спячке. Что делать дальше? Идти в институт? А что он там скажет? «Здравствуйте, я случайно выпил ваш экспериментальный состав и теперь я упырь. Дайте мне, пожалуйста, долгожданное противоядие, если оно существует. А если нет — переведите меня, пожалуйста, в ночную смену. Обещаю кусать только гематоген»?

Телефон зазвонил. Веня автоматически поднял трубку.

— Вениамин, — раздался голос профессора Ложкина, на удивление бодрый для вечернего часа. — Ты где? Мы тут обыск устроили, думали, ты в лаборатории ночевать остался, а тебя нет. Всё в порядке?

— Профессор, — выдохнул Веня с облегчением и отчаянием одновременно. — Я... я должен вам кое-что сказать. Вчера ночью я случайно перепутал пробирки и выпил ваш экспериментальный состав. Тот самый, который нельзя пить. И теперь у меня... у меня выросли клыки.

В трубке повисла долгая, тяжёлая пауза.

— Клыки? — переспросил профессор с каким-то странным любопытством.

— Да. Длинные. Острые. Белоснежные.

— И что, правда выросли?

— Правда. А ещё зрение восстановилось. И обоняние обострилось до невозможности. И спать хочется исключительно днём. И томатный сок полюбил безумно. И гематоген. Очень. Просто обожаю.

Профессор Ложкин помолчал ещё немного, а потом произнёс таким тоном, каким обычно сообщают о конце света или о глобальном кризисе:

— Вениамин, — сказал он почти ласково. — Ты, батенька, теперь не органика. Ты теперь неживая природа.

— В смысле? — не понял Веня, хотя страшная догадка уже зашевелилась в глубине сознания.

— В прямом. Я, когда синтезировал этот состав, честно рассчитывал получить стабилизатор для белковых суспензий. А получилось... ну, видимо, получилось эффективное средство для превращения людей в упырей. Это, конечно, сенсационный научный прорыв. Но для тебя, как для подопытного, это, мягко говоря, катастрофа. Противоядия нет. Я даже не представляю, с какой стороны к нему подступиться.

— То есть... — Веня сглотнул вязкую слюну. — То есть я навсегда останусь таким?

— Ну, навсегда — это громко сказано, — задумчиво протянул профессор. — Лет на двести, наверное. Вы, упыри, долго живёте. Если верить фольклору и средневековым хроникам. А вообще, зайти завтра в институт — оформим увольнение. И справку дадим для бухгалтерии, что ты уволился по собственному желанию в связи с переходом в иное агрегатное состояние.

— Какое ещё иное агрегатное состояние? — возмутился Веня, чувствуя, как клыки начинают выдвигаться от праведного гнева.

— Неживое, Вениамин. Неживое. Это не оскорбление, это сухая констатация факта. Ты теперь биологически мёртв. Или не совсем мёртв. Я в этих тонкостях не разбираюсь. Иди к тем, кто разбирается.

— К кому?

— Ну, не знаю. К вампирам каким-нибудь. К колдунам. К бабкам-знахаркам. В интернете поищи. Сейчас для всего есть специалисты. Даже для упырей, поверь.

Профессор отключился.

Веня ещё минуту сидел с трубкой у уха, слушая короткие гудки, потом медленно положил телефон на стол, как будто тот был заряжен взрывчаткой.

— Я уволен, — сказал он пустой, холодной кухне. — Я стал упырём, и меня уволили. Потому что я теперь неживая природа. А неживая природа в НИИ химии не нужна. Им нужна живая. Хотя бы органика.

Веня просидел в оцепенении не больше минуты, а потом решил: надо ехать в институт сейчас. Пока вечер, пока он ещё полон сил, пока не начал бояться собственного отражения в каждом зеркале.

Он натянул капюшон, прикусил губу, чтобы клыки не торчали, и вышел.

Институт встретил его тысячей запахов. Теперь Веня точно знал: это не просто безликий «запах реактивов». Он различал ацетон, формальдегид, сероводород в малых, почти следовых концентрациях и ещё десяток химических соединений, которые раньше определял только по лабораторным этикеткам. Коридор третьего этажа пах тревогой — резким, металлическим запахом, который Веня научился распознавать только сейчас, превратившись в упыря.

Кабинет профессора Ложкина находился в самом конце коридора. Веня постучал костяшками пальцев.

— Войдите.

Ложкин сидел за своим столом и что-то сосредоточенно писал в толстом журнале. Обычный пожилой человек в сером, немного мятом пиджаке, с вечной щетиной на щеках и близорукими, но цепкими глазами. Веня знал его десять лет — и ни разу не замечал в нём ничего необычного.

— А, Вениамин Сергеевич, — Ложкин поднял голову. — Пришёл за бумажками? Я уже всё подготовил, как обещал.

Он подвинул к краю стола тонкую синюю папку.

— Заявление, приказ, справка для бухгалтерии. И характеристика, если понадобится на новом месте. Правда, я указал, что вы уволились по собственному желанию в связи со смелой... — он запнулся, тщательно подбирая слово, — ...профессиональных интересов.

Веня взял папку, но не открыл.

— Профессор, — сказал он твёрдо. — Я должен знать. Это была случайность? Или...

— Или? — Ложкин смотрел на него поверх очков с выражением безмятежного любопытства.

— Или вы знали, что произойдёт. Знали, что этот состав превращает в упырей. И оставили его на столе специально для меня.

В кабинете повисла такая тишина, что стало слышно, как тикают настенные часы. Как где-то в соседней лаборатории льётся вода из крана. Как сердце Ложкина бьётся ровно, спокойно, без единого сбоя. Слишком спокойно для человека, которого прямо обвиняют в превращении другого в нежить.

— Вениамин Сергеевич, — Ложкин откинулся на спинку стула с лёгким скрипом. — Вы всегда отличались похвальной научной скрупулёзностью. Задавали правильные, редкие вопросы. Это качество, знаете ли, много стоит.

Он помолчал, словно взвешивая каждое слово.

— А вы знаете, что ваш организм даёт уникальные показатели? Скорость регенерации, устойчивость к химическим агентам, адаптивность нервной системы, сохранность когнитивных функций... Мы таких результатов даже не ожидали, признаться.

— Мы? — переспросил Веня, чувствуя, как холодеют пальцы.

Ложкин улыбнулся. Улыбка была прежней — чуть растерянной, профессорской, даже доброй. Но глаза оставались холодными и расчётливыми.

— Вениамин Сергеевич, не усложняйте себе жизнь. Вы получили нечто, о чём многие мечтают. Долголетие, выносливость, сверхчувствительность, регенерацию. Да, с некоторыми... бытовыми неудобствами. Но это всё решаемо. Мы можем помочь вам адаптироваться. Найти достойное применение вашим новым способностям. И, конечно, обеспечить полную легализацию в новой среде.

— Мы, — снова повторил Веня. — Вы всё время говорите «мы». Кто это скрывается за этим «мы», профессор?

Ложкин снял очки, неторопливо протёр линзы мягкой тканью. Без очков он выглядел моложе, жёстче, опаснее.

— Организация, которая занимается... поддержанием упорядоченной интеграции, — сказал Ложкин, слегка улыбнувшись. — Соединением двух миров — человеческого и Иномирья. Контролируемым соединением, разумеется. Хаос никто не отменял, но порядок должен быть.

Веня напрягся.

— Вам, как упырю, нужна регистрация, социальные гарантии, защита от тех, кто считает нежить угрозой. Мы это предоставим. Взамен просим не слишком много — сотрудничество, консультации, иногда выполнение небольших поручений.

Он сделал паузу, и его глаза стали жёстче.

— Вы же учёный, Вениамин Сергеевич. Для вас это даже интересно будет. А может, и полезно. В конце концов, знание — сила. Особенно когда знаешь, кому служишь.

Веня промолчал. В голосе профессора звучало нечто большее, чем предложение — предупреждение.

Ложкин, заметив его замешательство, снова улыбнулся — мягко, по-отечески.

— Не нужно бояться, Вениамин Сергеевич. Мы просто хотим, чтобы вы были... в курсе. И чтобы вы знали: в одиночку в этом мире не выживают. Даже упыри.

Веня сжал папку так, что хрустнула плотная бумага.

— Вы сделали меня упырём специально.

— Мы создали условия, — мягко поправил Ложкин. — Выбор всегда оставался за вами. Вы взяли ту пробирку. Вы сами выпили состав. Никто не заставлял вас нарушать элементарную технику безопасности.

— Вы её подсунули! — Веня не выдержал, повысил голос и тут же осёкся: клыки выдвинулись непроизвольно, прикусили губу, и он почувствовал вкус крови. Своей собственной.

Ложкин заметил это мгновенно. Его взгляд стал цепким, почти хищным.

— Интересно, — пробормотал он, делая пометку в журнале. — Эмоциональная реакция усиливает физиологические проявления...

— Не надо ничего записывать, — Веня сделал шаг назад, к выходу. — Я не собираюсь на вас работать. Я не собираюсь сотрудничать с вашей... таинственной организацией. Я просто хочу получить расчёт и забыть, что этот институт вообще существует.

Ложкин вздохнул — почти искренне.

— Вениамин Сергеевич, вы всегда были наивны. Вы думаете, вас оставят в покое? Вы — уникальный образец. Контролируемое, стабильное превращение человека в нежить с сохранением когнитивных функций. Это результат, которого мы добивались пять лет. Вы не можете просто уйти.

— А если я пойду в полицию? Или в прессу?

Ложкин улыбнулся шире, почти снисходительно.

— В полиции сидят оборотни и ведьмаки. В прессе — больше нечисти чем людей. Вы теперь часть этого мира, хотите вы того или нет. В человеческом мире у вас больше нет прав. Вы биологически и юридически мертвы.

Он достал из сейфа конверт из плотной чёрной бумаги и протянул его Вениамину. Конверт ощутимо жёг пальцы ледяным холодом.

— Приглашение. Наши координаты. Приходите, когда будете готовы. У вас теперь, в конце концов, есть время.

Веня вышел в коридор и остановился. Руки тряслись. Он разорвал конверт, не глядя, выбросил обрывки в урну. Папку убрал за пазуху.

Рано или поздно всё обязательно наладится. Он что-нибудь придумает. Найдёт способ вернуться к нормальной жизни.

...Или нет.

Он вышел во двор и глубоко вдохнул вечерний воздух. Город пах тысячей запахов — машинами, асфальтом, цветущими липами, чужими ужинами и далёкой свободой.

— Ничего, — сказал он себе. — Прорвёмся.

И пошёл к автобусной остановке, стараясь не оборачиваться. Но краем глаза всё-таки заметил: в окне третьего этажа стоял профессор Ложкин и смотрел ему вслед неподвижным взглядом. Не как профессор на уволенного сотрудника — как опытный охотник, который точно знает: дичь никуда не денется из этого леса.

Он подошёл к дому, оглянулся на вечерний, быстро темнеющий город. Фонари зажигались один за другим, по улицам спешили запоздалые прохожие, где-то далеко играла музыка, а Веня стоял и думал, что его старая жизнь кончилась. Безвозвратно и бесповоротно.

Но вдруг, вместо привычной тоски и паники, он почувствовал странное, пугающее своей неожиданностью облегчение.

Никакой опостылевшей диссертации. Никакого профессора Ложкина с его холодными глазами. Никаких ночных смен в пустой, вымершей лаборатории.

Он свободен.

Правда, свободен в почётном статусе упыря без работы, почти без денег, без жилья (комната, впрочем, оплачена до конца месяца) и без каких-либо внятных перспектив.

— Ну и что, — сказал Веня сам себе, чувствуя, как клыки непроизвольно выдвигаются в дерзкой улыбке. — Буду искать работу. Для неживой природы. В конце концов, не я первый, не я последний. Вон, в жёлтой прессе писали, что домовые теперь в ЖКХ работают. И ничего, справляются.

Веня зашёл в квартиру, включил ноутбук и набрал в поисковой строке: «Вакансии для упырей в Москве».

Поисковик услужливо, даже с какой-то поспешностью выдал: «Сыскное агентство „У Шиши“ требуется помощник. Оплата сдельная. Требования: наличие чуйки приветствуется. Опыт работы не обязателен. Обучим на месте. Звонить строго после заката».

Веня посмотрел на часы, потом — в чёрный, как бездна, провал окна.

— Ну, — сказал он, нажимая на номер. — Чем чёрт не шутит. Или чем нежить не шутит. Какая теперь разница.

В трубке заиграла странная мелодия — не то кваканье, не то бульканье, не то заунывный вой далёкой сирены. А потом раздался женский голос, хрипловатый и насмешливый:

— Сыскное агентство «У Шиши». Если вы обычный человек — немедленно положите трубку и идите мимо. Если нечисть — слушаю. Если реклама — прокляну до седьмого колена, у меня разрешение на массовые проклятия имеется.

Веня сглотнул вставший в горле комок.

— Я... это... по объявлению. Насчёт работы.

— Работы? — Голос стал заинтересованным, даже хищным. — А ты кто по жизни? Призрак, домовый, леший? Говори быстро, у меня ужин стынет. Вернее, завтрак. Или... не знаю уже. Я в этом городе вечно путаю режим.

— Я... упырь, — выдохнул Веня, чувствуя нелепость собственного признания.

— Упырь? — В голосе послышалось неподдельное удивление. — Настоящий? С клыками?

— С клыками. И гематогеновой диетой

— О, это хорошо, — одобрила собеседница с неожиданной теплотой. — Это правильный упырь, социализированный. А работать умеешь?

— Я кандидат наук, — обиженно сказал Веня. — Почти.

— Кандидат наук... — протянула женщина с сомнением. — Это как? Ты профессора кусал, что ли?

— Нет, я... я химик. Органическая химия. Белковые соединения.

— Слушай, химик, — голос вдруг стал серьёзным. — Клыки у тебя есть — это большой плюс. Науку свою знаешь — это скорее минус, зануды мне тут не нужны. Но раз уж позвонил, приезжай завтра на собеседование. Адрес скину смской. Только не днём — я сплю днём. И ты, наверное, тоже. Давай вечером, в восемь. И гематогена захвати — у меня лягушки его просто обожают.

— Лягушки? — переспросил Веня, чувствуя, что его картина мира трещит по швам с новой силой.

— Ага. Квазимода и компания. Не бойся, они не кусаются. Почти. Ладно, бывай, химик. Завтра увидимся.

Трубка замолчала, оставив Веню наедине с тишиной и собственными мыслями.

Веня посмотрел на телефон. Пришла смс с адресом: улица Ленина, дом 13, подвал, вход со двора, ориентир — вывеска с нарисованной лягушкой и надписью «Сыское агентство „У Шиши“. Не стучать — заколдовано».

— Ну, — сказал Веня, медленно закрывая ноутбук. — Либо это начало совершенно новой жизни. Либо бесповоротный финал старой. Либо просто очень странная ночь.

За окном далеко завывала пожарная сирена, и Веня вдруг понял, что ему нестерпимо хочется подвыть в ответ. Он зажал рот обеими руками и просидел так несколько минут, пока дикое желание не прошло.

— Гематоген, — решил он твёрдо. — Надо срочно купить гематоген. И, пожалуй, кусок сырого мяса. Побольше. И завтра — на собеседование.

В конце концов, хуже уже точно не будет. Или будет? С его фантастическим везением — вполне возможно.

Но попытаться определённо стоило.

Глава 2. Сыскное агентство «У Шиши», или Собеседование с болотным привкусом

На следующее утро Веня проснулся в семь вечера. Заставил себя подняться, умыться и съесть ещё пару плиток гематогена. Запас, купленный ночью, стремительно таял, а вместе с ним — и остатки сбережений.

— Работа, — напомнил он себе, глядя в зеркало на клыки. — Мне нужна работа.

Он надел самую строгую рубашку, галстук и вышел на улицу.

Город встретил его привычным ураганом запахов. Теперь Веня старался не обращать внимания на мельчайшие оттенки выхлопных газов, городской пыли и шаурмы за три квартала — он думал о другом. О профессоре Ложкине, который оказался не тем, кем казался. О странной организации, которая «интегрирует» миры. О конверте, который он разорвал и выбросил, но который всё равно жег пальцы воспоминанием.

— Не думай об этом, — сказал он себе, входя в автобус. — Сейчас — собеседование. Потом — разберёмся.

В автобусе Веня забился в угол и всю дорогу смотрел в окно, делая вид, что его не существует. Рядом сидела бабушка с сумками. Она покосилась на него, заметила бледное лицо, напряжённо сжатые губы (он пытался спрятать клыки) и участливо спросила:

— Молодой человек, вы себя хорошо чувствуете? Бледный такой, глаза лихорадочные. Может, врача надо?

— Нет-нет, — быстро ответил Веня, отворачиваясь к окну. — Всё отлично. Просто не выспался.

— Ох уж эта молодёжь, — покачала головой бабушка. — Компьютеры, телефоны... Совсем режим сбили. Вы хоть ешьте нормально, а то вон какой худой.

Веня мысленно поблагодарил бабушку за заботу и пообещал себе в следующий раз надевать капюшон.

На остановке он выскочил первым и быстрым шагом направился к тринадцатому дому по улице Ленина.

Дом оказался старым, дореволюционным, с облупившейся штукатуркой и мрачными арками. Веня нашёл арку со двора и замер. Вывеска была именно такой, как в смске: лягушка (зелёная, с короной на голове) и надпись «Сыскное агентство "У Шиши". Не стучать — заколдовано».

— Заколдовано, — пробормотал Веня. — Это как? Если постучу, превращусь в лягушку? Или в жабу? А какая разница?

Он постоял минуту, собираясь с духом, потом толкнул дверь.

Дверь поддалась не сразу — пришлось навалиться плечом. Запах внутри подвала резко отличался от городского смога. Сырость? Да. Тина? Определенно. Грибы? Тоже. И еще что-то сладковато-терпкое, напоминающее сухофрукты, но с явным оттенком болота.

— Агентство «У Шиши», — раздался голос из темноты. — Если вы за рекламой — проклян. Если с жалобой — запишитесь. Если по делу — заходите, не стесняйтесь, я не кусаюсь. Пока.

Веня шагнул вперёд и чуть не споткнулся о порог. Глаза привыкали к полумраку. Офис оказался небольшой комнатой с низким потолком, заставленной старой мебелью. В углу стоял продавленный диван, на котором спал кто-то лохматый. На стенах висели пучки сухих трав, какие-то амулеты и фотографии — судя по всему, клиентов, потому что на каждой был запечатлён человек (или нечеловек) с растерянным лицом и темноволосая статная женщина, как говорят: «без возраста».

На столе, среди вороха бумаг, сидела лягушка. Зелёная, с блестящими глазами и короной на голове. Она смотрела на Веню с выражением «ну, кто там припёрся, опять будут мешать».

Сама женщина сидела за столом, заваленном бумагами.

Веня ожидал увидеть кого угодно: старуху с клюкой, молодую ведьму в чёрном, может быть, даже вампиршу. Но то, что предстало перед ним, превзошло все ожидания.

Высокая, статная, с осанкой, которую не приобрёшь в фитнес-клубе — она либо даётся от природы, либо выковывается веками. На вид ей могло быть и тридцать, и пятьдесят, и сто пятьдесят. Чёрные волосы, отдающие лёгкой зеленью, струились по плечам, лишь у висков подхваченные заколками в виде стрекозы. Одежда — свободное многослойное платье из натуральной ткани, цветом напоминающее лесную тень, поверх — жилет из мягкой замши, переливающийся от болотного до изумрудного. На ногах — лёгкие кожаные сапожки. Вся она была словно частью лесного болота, которое решило переместиться в город, но не потеряло своей дикой опасности. Настоящая царевна-лягушка. Она внимательно смотрела на Веню и, кажется, улыбалась.

— А, химик, — сказала женщина, откладывая в сторону какую-то бумажку. — Пришёл. Садись, не топчись в дверях, сквозняк создаёшь. Квазимода, подвинься, дай гостю осмотреться.

Квазимода недовольно квакнула, спрыгнула со стола на подоконник, где стояла банка, в которой спала ещё одна лягушка.

Веня осторожно подошёл к затертому стулу и сел. Стул жалобно скрипнул.

— Шишимора Ефремовна, — представилась женщина. — Можно просто Шиша. А это Квазимода, моя правая рука. Вернее, правая лапа. В смысле, помощница. Квазимода, поздоровайся.

Лягушка квакнула.

— Очень приятно, — вежливо сказал Веня. — Вениамин Клыкков.

— Клыкков? — Шиша хмыкнула. — Фамилия говорящая. Это у тебя от рождения или после превращения появилась?

— От рождения, — Веня покраснел. — Просто совпадение.

— Совпадений не бывает, — философски заметила Шиша. — Ладно, давай, рассказывай. Кто такой, откуда, как стал упырём, где работал, что умеешь. Только кратко. Я долго слушать не люблю — устаю.

Веня глубоко вздохнул и начал:

— Я работал младшим научным сотрудником НИИ химии. Кандидат наук — почти защитил диссертацию, — выпалил Веня, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Шиша приподняла бровь:

— Почти, говоришь? Академик недописанный. Ну-ну.

— Я не академик! — Веня даже привстал со стула. — Я всего лишь младший научный сотрудник, и диссертация у меня практически готова, просто...

— Просто что? — Шиша усмехнулась. — Защитить не успел, потому что упырём стал?

Веня покраснел. Клыки предательски выдвинулись, но он быстро взял себя в руки.

— Это временно. Я найду способ вернуться к науке.

— Ну-ну, — повторила Шиша, и в голосе её слышалась такая снисходительность, что Веня захотел провалиться сквозь землю.

— В ночь с двенадцатого на тринадцатое произошла... производственная ошибка. — упавшим голосом продолжил он. — Я перепутал пробирки и выпил экспериментальный состав. После этого у меня выросли клыки, обострилось обоняние, появилась тяга к томатному соку и гематогену, а также сменился режим сна. Профессор сказал, что противоядия нет, и уволил меня. — Он запнулся, вспомнив разговор в кабинете Ложкина, и добавил: — Оказалось, что превращение не было случайностью. Профессор... работает на какую-то организацию. Они

занимаются интеграцией миров. Мне предложили сотрудничество, я отказался. Теперь ищу работу. Увидел ваше объявление. Пришёл.

Он замолчал и выжидающе посмотрел на Шишу.

Та слушала внимательно, поглаживая Квазимоду по голове. Лягушка довольно жмурилась.

— Организация, говоришь, — протянула Шиша. — Контора, значит. Уже добрались. Ну, это не сюрприз. Ты для них — удачный образец. Образованный, научно подкованный, да ещё и с клыками. Такие кадры они вербуют. Или... утилизируют, если не соглашаются. — Она помолчала, глядя на Веню с неожиданной серьёзностью. — Но это потом. Сейчас — собеседование. Химик, ты в магии хоть что-нибудь понимаешь?

— Нет, — признался Веня.

— А как заговорить молоко, чтоб не скисло?

— Понятия не имею.

— А чем подкормить домового, если он заскучал?

Веня беспомощно развёл руками.

Шиша закатила глаза.

— Ученый ты, химик, а в магии — полный ноль. Ну ничего, это поправимо. Главное, что клыки есть. И обоняние острое — это нам пригодится. Документы принёс?

Веня судорожно вытащил из портфеля папку, которую дал Ложкин.

— Вот диплом о высшем образовании. Вот список научных трудов. Вот характеристика. Вот паспорт.

Шиша взяла паспорт, повертела в руках, понюхала.

— Паспорт настоящий, — констатировала она. — Печать живая. Фотка похожа, хотя клыков тут нет. Это хорошо. А справка о несудимости из Иномирья где?

— Из... чего? — переспросил Веня, хотя уже догадывался.

— Из Иномирья. Навь, Явь, Правь — не слышал? Там у нечисти своя регистрация. Ты же теперь не человек, Вениамин. Ты упырь. По человеческим законам ты, может, и чист, а по нашим — кто тебя знает. Вдруг ты сбежал от князя тьмы? Вдруг у тебя долги перед Кощеем?

— Я даже не знал, что такое существует, — честно сказал Веня.

Шиша окинула его долгим взглядом.

— Ладно, верю. Вижу, что ты новичок. Вон, даже клыки прикусываешь, как будто стесняешься. Не стесняйся, Вениамин. Клыки — это красиво. Это тебе не галстук, это сущность. Так, давай по пунктам.

Она откашлялась и начала загибать пальцы:

— Пункт первый. Жильё есть?

— Есть.

— Хорошо. Пункт второй. Чем питаешься?

— Гематоген, томатный сок. Иногда стейки. Почти сырые.

— Сойдёт. Пункт третий. На людей нападать тянет?

— Что? Нет! — Веня даже подпрыгнул. — Ни в коем случае! Я вообще вегетарианец был до превращения. Ну, не вегетарианец, но мясо ел редко. С зарплатой младшего научного сотрудника особо не разгуляешься. А людей... нет, что вы!

— Ладно, ладно, не кипятись. Просто у некоторых упырей инстинкты просыпаются, они потом мучаются. Если что — приходи, отворотное зелье дам. У меня скидка для сотрудников. Пункт четвёртый. Магией владеешь?

— Нет.

— Совсем?

— Ну... я умею ставить опыты. И реактивы смешивать. И таблицу Менделеева знаю наизусть.

— Таблица Менделеева, — задумчиво повторила Шиша. — Это может пригодиться. В магии тоже элементы есть. Ладно, будем учить на месте. Пункт пятый. Работать готов? Нынче, не жаловаться, не требовать выходных?

Веня кивнул.

— Готов.

— Тогда слушай. Я беру тебя стажёром. Испытательный срок — месяц. Работаем за процент от гонорара. Твои десять процентов. Плюс оплата проезда, если ездить далеко. Плюс гематоген, в обед, за счёт фирмы. Устраивает?

Веня снова кивнул.

— А что именно я буду делать?

— Что скажу, то и будешь. Улики искать, свидетелей опрашивать, отчёты писать, кофе варить. С кофе, кстати, проблема. Мой кофе лягушки не пьют. Говорят, горький и без души. А ты, химик, наверное, умеешь кофе варить? По науке?

— Я... могу попробовать, — неуверенно сказал Веня. — Некоторые тезнания имеются. Если вы не против, проведем эксперимент?

— Давай, удиви, — Шиша откинулась на спинку стула. — Квазимода, смотри, теоретик нас будет экспериментальным кофе поить.

Веня осмотрел кухонный угол. Нашёл старую турку, покрытую патиной, но вполне пригодную. Зерна в жестяной банке были неплохими, хоть и не первой свежести. Он насыпал их в ручную кофемолку, которую обнаружил в шкафчике, и заскрежетал.

— Ты чего это делаешь? Там же Квазимода намолочила уже на той неделе. Вон в коробочке. — удивилась Шиша.

— Мелю. Свежемолотый кофе раскрывает вкус полнее. И температура воды должна быть не кипятком, а девяносто градусов, иначе зерна горчат. И вода... — он понюхал мутноватую воду из бутылки.

— Дождевая, самая лучшая для кофе. — отметила Шиша, не поднимая головы. — Из-под крана не лей — она мертвая, энергию убивает.

Вениамин поморщился, но решил не спорить:

— Дождевая сойдёт.

Он действовал быстро, уверенно. Насыпал молотый кофе в турку, залил водой, поставил на медленный огонь. Ждал, когда начнёт подниматься пена, и снял почти у самой точки кипения. Разлил по чашкам.

— Прошу, — сказал Веня, подавая Шише кружку.

Шиша принюхалась. Глаза её расширились.

— Это кофе? — спросила она.

— Кофе.

Она отхлебнула. Помолчала. Потом отхлебнула ещё.

— Квазимода, — сказала она торжественно, — химик остаётся.

Лягушка спрыгнула на стол, макнула лапку в кружку, облизала и выдала серию довольных кваков.

— Одобрено, — перевела Шиша. — Слушай, а ты чего сам не пьёшь?

Веня налил себе кофе из термоса, который принёс с собой.

— Я свой принёс. Растворимый. Мне так...привычнее.

— Ну и дурак, — ласково сказала Шиша. — Ладно, привыкнешь.

— А теперь — бумаги, — Шиша порылась в столе и извлекла на свет два листа, исписанных убористым почерком. — Договор подряда. Я, как самозанятая, нанимать сотрудников не имею права, так что ты будешь внештатным помощником. Оказываешь услуги, я принимаю и оплачиваю. Всё по закону, даже налоги платить буду. Ну, почти все.

Веня взял листы и прочитал:

«Договор гражданско-правового характера (ГПХ) № 01/2026

г. Москва, 15 сентября 2026 г.

Заказчик: Шишимова Ефремовна Болотная (самозанятая, статус подтверждён)

Исполнитель: Клык Вениамин Сергеевич (физическое лицо)

Предмет договора:

Заказчик поручает, а Исполнитель принимает на себя обязательство оказывать услуги по расследованию преступлений, сбору улик, допросу свидетелей и иной деятельности, связанной с сыской работой, а также по поддержанию порядка в офисе и приготовлению кофе.

Права и обязанности:

1. Исполнитель обязуется выполнять поручения Заказчика, не противоречащие законам магии, Иномирья и Российской Федерации.

2. Заказчик обязуется оплачивать услуги в размере 10% от суммы каждого выполненного дела.

3. В случае производственной травмы (проклятие, сглаз, превращение в жабу и т.п.) Заказчик оплачивает лечение, но не более 50% от его стоимости.

4. Перерыв на обед — 20 минут, если в это время не происходит ничего важного.

5. Лягушки являются полноправными участниками рабочего процесса и требуют уважительного отношения. Кормить лягушек разрешено гематогеном, но не более одной плитки в день.

Подписи сторон:

— Где печать? — спросил Веня.

— Какая печать?

— Ну... организация должна иметь печать. И подпись. И регистрацию в налоговой.

Шиша усмехнулась.

— Химик, ты в каком мире живёшь? Я самозанятая. У меня лицензия есть. Налоги плачу уж не кваканьем и головастиками. А печать... — она махнула рукой, и на листе появилось фиолетовое пятно, внутри которого проступил отпечаток лягушачьей лапки. — Вот тебе печать. Квазимода, подтверди.

Лягушка приложила лапку к пятну и квакнула.

Веня смотрел на это с открытым ртом.

— Расписывайся, — велела Шиша. — И приступай к тестовому заданию.

— К какому?

Шиша ткнула пальцем в сторону своего стола.

— Видишь этот бардак? Это не бардак, это архив. Тут тридцать лет расследований, улики, заметки, рецепты зелий и личная переписка. Мне нужно, чтобы ты это разобрал. По полочкам. По годам. По категориям. Чтобы я могла найти любой документ за пять минут. Справишься?

— Вы шутите? — спросил он.

— Нисколько, — Шиша была серьезна. — Это тест на профпригодность. Если ты сможешь навести порядок в этом... — Она неопределенно покрутила рукой в воздухе. — Значит, ты нам подходишь. Если нет — ну, значит, не судьба.

В комнате царил хаос, который Веня мысленно окрестил «организованным беспорядком». На столе Шиши громоздились стопки бумаг, какие-то баночки, пучки трав, пара дохлых мух (правда одна, вроде бы, шевельнулась), лупа, несколько амулетов и... скелет маленького грызуна. На полу валялись книги, свернутые в рулон карты, и чья-то потерянная галоша. На подоконнике в банке плавала еще одна лягушка, которая таранилась на Веню с немym укором.

— Это Фекла, — представила Шиша, заметив его взгляд. — Квазимодина подруга. Не обращай внимания, она стеснительная. Так, Квазимода, остаешься за старшую, у меня дела. Химик, не скучай.

Она встала, и направилась к выходу.

— А это кто? — спросил Веня, показывая на диван.

— Это Лешик, — ответила Шиша. — Местный леший. Временно живёт у нас. Из леса выгнали за пьянство, теперь ищет работу. Ты его не буди, он злой после пробуждения.

Шишимора вышла из кабинета, Веня остался в компании лягушек и спящего Лешика.

Он посмотрел на стол. Потом на часы. Было девять вечера. Впереди целая ночь, и первое задание — разобрать то, что не поддавалось разбору тридцать лет.

— Ну, — сказал он сам себе. — Ты же кандидат наук. Почти. Ты систематизировал тонны данных. Ты писал диссертацию. Ты справишься.

Он снял пиджак, аккуратно повесил на спинку стула, закатал рукава и подошёл к столу.

Первое, что попало ему под руку, был тщательно запечатанный пузырёк с надписью «Крик банши. 1998 год. Не распечатывать». Веня осторожно поставил пузырёк в сторону.

Дальше пошла стопка писем, перевязанных бечёвкой. Верхнее начиналось словами: «Дорогая Шишимора! Ты не поверишь, что случилось с моим козлом...»

— Ладно, письма потом, — решил Веня и отложил стопку.

Следующим был чей-то зуб. Крупный, желтоватый, с дыркой посередине. Рядом лежала записка: «Зуб водяного. Доказательство № 7 по делу о браконьерстве. Вернуть владельцу после суда». Веня поёжился и убрал зуб в коробку из-под обуви, которая нашлась под столом.

Дальше — больше. В ход пошли засушенные мыши, пучки полыни, ампулы с мутной жидкостью, фотографии странных существ, карта местности с отметками «здесь живёт русалка» и «осторожно, леший!», несколько амулетов, которые тихонько звенели при прикосновении, и папка с надписью «Нераскрытые дела. Не открывать без крайней нужды — сглаз наведёте».

Веня вздохнул и начал систематизировать.

Через час он уже выработал систему: улики — в одну сторону, документы — в другую, личное — в третью, непонятное — в четвёртую (на потом). Квазимода и Фекла наблюдали за ним из банки, изредка переквакиваясь, как будто обсуждая его успехи.

— Что, девочки, — обратился к ним Веня. — Нравится, как я работаю?

Лягушки дружно квакнули.

— Я так и думал. Вы здесь за главных, да?

Квазимода важно кивнула. Веня чуть не выронил папку с делами.

— Вы понимаете, что я говорю?

Лягушка снова кивнула и показала лапкой на стол — мол, работай давай, не отвлекайся.

— Офигеть, — сказал Веня. — Я разговариваю с лягушками, и они мне отвечают. Моя жизнь определённо стала странной.

К трём часам ночи стол был почти разобран. Веня нашёл три древних гематогеновых обертки (которые сразу выбросил), пять амулетов, которые пришлось отложить, так как неизвестна степень опасности, и дневник Шиши за 2005 год, открытый на странице с записью: «Сегодня поймала воришку, который крал энергию у домовых. Оказался техномаг-самоучка. Пришлось объяснять, что так делать нельзя. Объясняла три часа, в конце он заплакал и пообещал больше не колдовать. Интересно, сдержит слово?»

— Техномаг, — пробормотал Веня. — Кража энергии у домовых.

Он взял с полки найденную Энциклопедию Иномирья. Открыл на букве Т.

Техномагия — направление в колдовстве, возникшее в конце XIX века с распространением электричества. Техномаги заменяют традиционные ритуалы инженерными решениями, используя магические свойства материалов и энергий для создания устройств. Отношения с остальной нечистью у техномагов сложные: их уважают за полезные изобретения (магические холодильники, автопилоты для ступ, заклинания в чипах), но презирают за отсутствие «чутья» и склонность рассматривать живых существ как расходный материал. Самые талантливые техномаги работают на «Контору», самые опасные — уходят в подполье.

Пометка на полях Шишиморы Ефремовны: «Все они такие: сначала изобретают, потом оправдываются. А в итоге — или в тюрьму, или в лабораторию. Хороших техномагов не бывает. Бывают полезные и очень полезные. Но ни одного доброго я не встречала».

Он хотел прочитать дальше, но тут от двери раздался голос:

— Химик, ты ещё жив?

Шиша вошла в кабинет, наполняя его ароматом болотных трав,

— Да, — ответил Веня. — Я почти закончил. Смотрите.

Он показал на стол. Впервые за многие годы поверхность стола была видна. Все вещи лежали аккуратными стопками, подписанные и рассортированные. На углу стояла банка с лягушками, которые довольно тарасились на Шишу.

— Ну, химик, — сказала Шиша, обходя стол. — Ты либо гений, либо псих. В хорошем смысле. Я тут десять лет не могла найти эту ведомость за 2012 год, а ты... — она ткнула пальцем в стопку. — Вот же она! Квазимода, ты видишь?

Лягушка квакнула.

— Беру свои слова обратно, — Шиша хлопнула Веню по плечу. — Ты не зануда, ты сокровище. Оформляйся официально. С завтрашнего дня ты мой помощник. Она подошла к сейфу, который Веня обнаружил под грудой тряпья, и открыла его.

— Тут накопилось кое-что. Первое дело.

Она вытащила тонкую папку.

— Элитный ЖК «Тихий Омут». Жильцы жалуются на странности в доме. Техника сходит с ума, роботы-пылесосы чертят пентаграммы. Надо к ним заехать, помочь. Но не сегодня — надо сначала подготовиться, разобрать мои записи по похожим делам.

Шиша достала из стола потрёпанную папку и протянула Вене.

— На, изучай. А завтра ночью поедем знакомиться с домовым.

— А почему не сейчас?

— Потому что ты сегодня уже вымотался, а я с утра по делам, — ответила Шиша. — И потом, домовые ночью активнее. Лучше ехать, когда жильцы спят.

Веня посмотрел на папку, потом на Шишу, потом на лягушек, которые синхронно кивнули.

— А как жильцы жалуются? Приходят на прием к болотной ведьме? — спросил он.

— Но-но, академик, не хами, — нахмурилась шишимора. — вывеска трансформируется магически в зависимости от нужд клиента. Для кого-то я гадалка, для кого-то экстрасенс, а кто-то приходит именно в детективное агентство, для них я бывший капитан полиции, в отставке. Правда конкретно это дело мне по знакомству досталось, Нафаня старшим домовым там служит. Вот он мне и звонил на днях.

— Все понял. Думаю справлюсь, — сказал Вениамин.

И сам себе не поверил.

Глава 3. Визит перепуганного домового, или Когда техника сходит с ума

Оказалось, что быть внештатным помощником в сыскном агентстве «У Шиши» — это примерно как работать лаборантом в сумасшедшем доме, где у каждого пациента есть магическая лицензия.

Вениамин Клыков любил порядок.

Порядок в пробирках.

Порядок в бумагах.

Порядок в мыслях.

Именно поэтому он испытывал редкое, почти физическое удовольствие, глядя на идеально разобранный стол Шишиморы. Стопки документов лежали ровно, амулеты были разложены по степени потенциальной опасности, а зуб водяного аккуратно упакован в коробку с подписью: «вернуть владельцу».

— Красота, — сказал Веня, поправляя край папки так, чтобы он совпадал с краем стола с точностью до миллиметра.

Квазимода одобрительно квакнула.

Фекла молчала, но смотрела с уважением.

Веня привыкал к новой жизни и готовился к первому заданию в ЖК: систематизировал архивы, просматривал папки с похожими делами. А еще научился варить кофе, от которого лягушки приходили в восторг, а Шишимора переставала ехидничать (секрет оказался в щепотке сушеной мяты), и даже подружился с Лешиком, который храпел так, словно спорил с бензопилой.

Лешик, как выяснилось, был не таким уж страшным. Да, он постоянно спал. Да, от него пахло мхом и прелой листвой. Да, когда он просыпался, то первым делом требовал квас и ругал современную экологию. Но в целом — безобидный. Однажды он даже похвалил Венину систему сортировки бумаг, правда, тут же забыл, что сказал, и уснул снова.

— Ты главное не обращай внимания, — посоветовала Шиша, поправляя стрекозу в волосах. — Лешие они такие. Их без леса тоска заедает. Вот выйдет на работу снова, вернется в родные пенаты — сразу оживет. А пока пусть спит, нам не мешает.

— Шишимора Ефремовна, — аккуратно начал Веня, раскладывая очередную стопку папок по полкам, — а вы не пробовали вести журнал регистрации дел? С нумерацией, кратким содержанием, списком улик, датой поступления и датой закрытия. Это бы очень упростило поиск.

Шиша, не открывая глаз, хмыкнула:

— Пробовала.

— И? — Веня оживился.

— Лягушки съели. Сказали, бумага вкусная, но информации многовато. Ты, академик, если хочешь мне угодить, лучше кофе свари. А журналы оставь тем, у кого время резиновое.

— Я не академик, — Веня поморщился. — У меня даже кандидатской нет. Пока.

— Ну, почти академик, — отмахнулась Шиша. — Какая разница. Учёные они все такие — без бумажек своих не могут.

— Но систематизация позволяет экономить время в долгосрочной перспективе! — не сдавался Веня.

— Веник, — Шиша приоткрыла один глаз, — я живу триста лет. Для меня долгосрочная перспектива — это когда яйцо водяного вылупится. Лучше заканчивай поскорее, тебе еще в тот элитный ЖК ехать. С домовыми разговаривать.

Веня вздохнул и решил больше не поднимать эту тему.

Ровно в восемь вечера дверь в офис распахнулась с таким звуком, будто её открывали не рукой, а средневековым тараном. В офис влетел... кто-то маленький, лохматый и очень взволнованный.

— СПАСАЙТЕ!

— Входи, открыто! — флегматично заметила Шиша, не отрываясь от раскладывания пасьянса на заколдованных картах (карты жульничали, но она их ловила).

— Шишимора! — закричал он. — Шиша, спасай! Беда! Караул! Я таю

— Не ори, — спокойно сказала Шиша, не поднимая головы, — Я тебя и так вижу. И слышу. И чувствую. И нюхаю, кстати. От тебя паникой за три версты тянет.

Веня, который как раз сортировал очередную партию улик (на этот раз — коллекцию наконечников стрел, которыми, судя по этикеткам, стреляли в Змея Горыныча в 1987 году), заинтересованно смотрел на гостя.

Перед Шишей стоял мужичок. Невысокий, коренастый, лохматый до невозможности — волосы торчали во все стороны, как будто он только что сунул палец в розетку. Одет он был в тельняшку и какие-то странные холщовые штаны. Босые ноги были грязными.

И Веня, несмотря на то, что уже привык к странностям этого места, снова поразился. Потому что мужичок был полупрозрачным. Сквозь него просвечивал стоящий за спиной шкаф.

— Нафаня, — сказала Шиша, откладывая карты (те довольно зашуршали, радуясь, что их не поймали на жульничестве). — Ты чего такой прозрачный? Диету соблюдаешь?

— Какая диета! — Нафаня всплеснул руками и стал еще прозрачнее. — Шишимора, беда у нас! В ЖК «Тихий Омут»! Там такое творится — спасу нет! Жильцы жалуются, техника с ума сходит, а я... я таю на глазах! Скоро совсем как призрак стану, только без права на перерождение!

Веня прищурился.

— Вы... действительно частично прозрачны, — осторожно заметил он. — Примерно на тридцать процентов, если судить по интенсивности светопропускания...

— Веник, — перебила его Шиша. — Если ты сейчас скажешь слово «коэффициент», я тебя самого прозрачным сделаю. Процентом на сто.

— Молчу, — быстро сказал Веня.

Квазимода одобительно квакнула.

Нафаня тем временем сел на край стула... и слегка провалился сквозь него.

— Вот! Видели?! — он в ужасе подпрыгнул. — Я уже сквозь мебель прохожу! Ещё немного — и сквозняком стану! А я, между прочим, домовый с опытом! Я десять лет на одном объекте! У меня грамота есть!

— Спокойно, я как раз собиралась к тебе помощника откомандировать — Шиша встала и подошла к домовому. Её длинные черные волосы с зеленоватым отливом скользнули по плечам, когда она наклонилась к Нафане. — Давай по порядку. С самого начала. Кто, что, когда и где.

— Значит так, — начал Нафаня, переводя дух. — Жил я себе, не тужил. Дом у нас хороший, элитный. Жильцы — люди приличные, денежные. Лишних проблем не создают, особо не бунтят. Я за порядком следил, за уютом, за детишками приглядывал, чтобы не шалили. А тут...

Он махнул рукой, и от этого движения его пальцы стали почти прозрачными.

— Нафаня, прекрати размахивать руками, — строго сказала Шиша. — Ты себя так полнотью развеешь. Домовые не тают просто так. Вас либо не кормят, либо вы сами халтурите, либо... — она прищурилась, — либо у вас энергию кто-то жрёт.

— Жрёт! Ещё как жрёт! Там такое творится — я бы и рад халтурить, да не дают! — взвыл домовый. — Неделю назад — сначала мелочи. Телевизоры стали сами переключаться. И

не просто так, а показывают черно-белое кино про Ленина. Круглые сутки! Жильцы нажимают на пульт — ноль реакции. Выключают из розетки — включается само. И опять Ленин!

— Интересно, — пробормотала Шиша.

— Это ещё не всё! — Нафания всплеснул руками. — Пылесосы! Роботы-пылесосы! Они... они...

— Не убирают? — предположил Веня.

— Лучше бы не убирали! Они чертят пентаграммы!

В комнате повисла пауза.

Квазимода медленно повернула голову.

— Прямо на полу, — прошептал Нафания. — Аккуратненько так... по линейке... я один даже пытался остановить — так он меня объехал! С уважением, но объехал!

— Вежливый, — заметила Шиша.

— Только вот жильцы утром просыпаются, а у них паркет в звездах. Три уборщицы уволились, боятся, что эти пылесосы могут засосать в потусторонний мир. Но, даже это ещё не всё! — Нафания уже почти плакал. — Колонки! Умные! Ночью начинают говорить!

— Это нормально, — сказал Веня. — У них есть голосовые ассистенты...

— Голосами умерших родственников! — взвыл Нафания.

Веня закрыл рот.

— Так, — сказала Шиша. — Вот это уже моя тема.

Нафания наклонился ближе и зашептал:

— Вчера в квартире на девятом этаже колонка голосом покойной тёщи сказала: «Я же говорила, что ты криворукий». Мужик теперь на балконе спит.

— Справедливо, — кивнула Шиша.

— Да при чём тут справедливо?! — Нафания схватился за голову. — Там всё с ума сошло! Свет мигает, техника глючит, холодильники размораживаются, лифт застревает между этажами и поёт «Катюшу»!

— «Катюшу»? — переспросил Веня.

— Фальшиво! — трагически добавил Нафания.

Шиша замолчала, постукивая пальцами по столу.

Веня поднял глаза от блокнота и посмотрел на начальницу. Его научный ум отказывался верить в услышанное, но клыки, которые он машинально проверил языком, напоминали, что реальность теперь другая.

— Это... магия? — спросил он.

— Нет, — медленно сказала Шиша. — Это хуже.

— Хуже магии? — удивился Веня.

— Это смесь магии и... — она скривилась, — техники.

Веня напрягся.

— Техномагия? — тихо спросил он, вспоминая записи из энциклопедии.

Шиша посмотрела на него с уважением.

— Гляди-ка, академик не совсем бесполезен.

— Я не академик!

— Да-да, кандидат почти наук, я помню.

Она снова повернулась к Нафане.

— А что с тобой? — спросила она, кивая на полупрозрачность Нафани. — Ты-то почему таешь?

— Я же от них питаюсь! — всхлипнул домовый. — От хорошего настроения жильцов. Для того и уют навожу, мир и лад в доме поддерживаю. А какое сейчас настроение? Люди по ночам не спят, боятся колонок, днем видят пентаграммы на полу, телевизор включить нельзя — опять Ленин. Уюта нет! Тепла нет! Энергии нет! Я теперь исчезну! Вон, уже почти призрак!

Шиша посмотрела на него внимательно.

— Не исчезнешь, — сказала она. — Когда я за дело берусь — никто не исчезает. Ну, кроме виновных. Давай дальше: Запах есть?

— Какой запах? — растерялся домовой.

— Любой. Станный. Не бытовой.

Нафаня задумался.

— Есть... — неуверенно сказал он. — Иногда... как будто... проводка горит. И ещё... как гроза, но без дождя.

Веня резко выпрямился.

— Озон, — сказал он. — И перегрев электроники.

Шиша кивнула.

— Вот именно.

Она встала.

— Значит так. Дело интересное. Клиенты богатые?

— Очень! — оживился Нафаня. — Там квартиры по... — он назвал сумму.

Веня закашлялся.

— Я готов работать, — быстро сказал он.

Шиша усмехнулась.

— Вот это я понимаю — профессионализм.

— Да-да, я все записал. Нужно составить опросный лист для жильцов, чтобы выяснить точное время начала аномалий, собрать данные по каждой квартире, классифицировать типы неисправностей, провести сравнительный анализ...

— Стоп-стоп-стоп, — перебила Шиша. — Веня, ты чего?

— Составляю план расследования, — Веня достал еще один блокнот. — Итак, первая фаза — сбор данных. Я подготовлю опросные листы для жильцов. Вопросы разделю на три блока: технические неисправности, временные характеристики и психологическое воздействие. Вторая фаза — осмотр места происшествия с фотофиксацией. Третья — выдвижение гипотез, их ранжирование по степени вероятности, проверка. Четвертая...

— Стоп, — Шиша поднялась с дивана. — погоди. Академик, ты сейчас что, собрался анкетировать жильцов элитного ЖК? С блокнотом и ручкой?

— А что тут такого? — Веня нахмурился, пропуская «академика» мимо ушей, хотя внутри всё закипело.

— А то, что пока ты будешь выяснять «по шкале от одного до десяти оцените степень вашего дискомфорта», аномалия высосет из домовых последние соки. Нафаня к тому времени станет не просто прозрачным, а совсем невидимым.

— Но без данных мы не сможем выявить закономерности! — возразил Веня.

— Закономерности, — передразнила Шиша. — Ты, со своими закономерностями, как лягушка, которая решила измерить болото линейкой. Болото оно и есть болото. Где глубоко, где топко, где ключ бьёт — это не по линейке, это чуют надо.

— Мое обоняние — это тоже данные. — не сдавался Веня. — Я предлагаю использовать его системно, а не просто... нюхать куда попало.

— О, — Шиша прищурилась. — А куда, по-твоему, надо нюхать? Строго на северо-запад? Ты мне карту запахов составишь? С процентами интенсивности и векторами распространения?

— Если понадобится — составлю, — серьезно ответил Веня.

Шиша рассмеялась. Квзимода на ее плече заквакала в такт, словно тоже веселилась.

— Ладно, химик. Карту пока отложи. Давай так: ты нюхаешь, я слушаю, Нафаня показывает. А если твои системные данные с моим чутьем разойдутся — будем разбираться на месте. Идёт?

Веня сжал зубы.

— Идёт, — выдавил он.

— Вот и договорились, — удовлетворенно кивнула Шиша. — Нафаня, собирайся. Поедешь с нами, покажешь всё на месте.

Она ухмыльнулась.

— Пошли, химик. Посмотрим на твой первый нормальный рабочий кошмар. Берём с собой: фонарики, блокноты (так и быть, для успокоения души), гематоген про запас, Квазимоду (она у меня детектор аномалий), и...

Веня глубоко вдохнул, достал блокнот и принялся выписывать: «Фонарики — два, батарейки — запас, гематоген — пять плиток, блокноты — три, ручки — четыре...»

— Акаде-е-емик, — скептически раздалось у него над ухом.

Бывший кандидат наук вздрогнул и поднял голову. Шиша стояла рядом и смотрела на его записи с таким видом, будто он собирался не на расследование, а на научную конференцию.

— Я не академик, — процедил он сквозь зубы.

— А кто? — Шиша взяла его блокнот и пролистала. — «Пункт один: опросить свидетелей по формализованной анкете. Пункт два: сформулировать гипотезы об источнике аномалий. ». Ты, Веня, даже в сыщики пришёл с диссертацией под мышкой.

— Это называется системный подход, — Веня выхватил блокнот обратно. — Если всё делать по инструкции, риск ошибки снижается на сорок процентов.

— Сорок процентов? — Шиша присвистнула. — А остальные шестьдесят — на болотное чутьё? Или на лягушек?

— На опыт, — буркнул Веня. — И на профессиональную интуицию.

— О, — Шиша прижала руку к груди, изображая умиление. — Академик заговорил об интуиции. Чудо. Ладно, бери свои блокноты. Только если мы из-за них клиента потеряем, я тебя самого в лабораторную мышь превращу. Понял?

Веня хотел ответить, что клиента они не потеряют, потому что он всё рассчитал, но вовремя прикусил язык. Клыки царапнули губу.

Через пятнадцать минут они уже стояли на улице. Вечерний город шумел, светился огнями, пах бензином и приближающейся грозой. Веня глубоко вдохнул (нюх автоматически разложил запахи на составляющие: выхлопные газы, шаурма, мокрая собака, кто-то жарит картошку, где-то прорвало канализацию) и поморщился.

— Как вы это выносите? — спросил он.

— Привыкнешь, — пообещала Шиша. — Через месяц перестанешь замечать. А через два — начнешь находить в этом особый шарм. Нюх — это дар, Веня. Не зарывай его в землю. Куда ехать, Нафаня?

— На метро, — сказал домовый. — Там недалеко.

В метро Веня чуть не сошел с ума. Запахи сотен людей, смешанные с запахом метрополитена, резины, технических жидкостей ударили в нос с такой силой, что у него закружилась голова. Но люди в вагоне не обращали на них никакого внимания. Парень с наушниками читал новости в телефоне. Девушка красила ресницы, балансируя на ходу. Бабушка с тележкой дремала, уткнувшись в клубок.

Веня покосился на Нафаню, который сидел напротив и болтал ногами, не доставая до пола. Потом на Шишу, на плече которой спокойно сидела зеленая лягушка. Никто не косился, не шептался, не показывал пальцем.

— Странно, — прошептал он Шише. — Никто не обращает внимания. Ни на Квазимоду, ни на... — он покосился на Нафаню.

— А чего им обращать? — Шиша удивилась. — Видят обычную женщину с питомцем. Питомца видят каждый на свой вкус, кому собачка милее, кому котенок А Нафаня — просто мужичок невысокий, бывает.

— Но у него ноги не достают до пола! И он... ну...

— И что? — Шиша приподняла бровь. — Маленький рост — не преступление. А прозрачность... — она наклонилась к Вене и понизила голос: — Люди, Веник, удивительные создания. Они видят то, что хотят видеть. Им нужен понятный мир. Поэтому когда они сталкиваются с чем-то необъяснимым, их мозг подсовывает им удобное объяснение. Мужичок низкого роста? Бывает. Парень с клыками? Лягушка на плече? Прозрачность? — она усмехнулась. — Никто этого не видит. Магия работает, Веник. Она не колдует над людьми, она просто... помогает им не замечать того, что они не готовы заметить.

Веня задумался. Это объясняло многое. Почему бабушка в автобусе заметила только его бледность, но не клыки. Почему продавщица в магазине не удивилась, что он сгрэб весь гематоген за раз.

— Получается, что люди не видят нас настоящих, — сказал он. — Но ведь это же... нечестно?

— А что, по-твоему, честно? — Шиша хмыкнула. — Показывать им клыки и магию? Чтобы они в обморок падали или вызывали санитаров? Им же спокойнее, когда они думают, что всё в рамках привычного.

— Все равно это обман, — упрямо сказал Веня.

— Веник, — Шиша повернулась к нему, и в глазах её мелькнуло что-то, напоминающее жалость. — Ты бы предпочел, чтобы бабушка в автобусе увидела твои клыки и получила инфаркт? Чтобы охранник заметил, что Нафаня сквозь стену проходит и усомнился в своей вменяемости? Чтобы тебя каждый раз останавливали на улице с вопросом: «А вы, молодой человек, случайно не упырь?»?

Веня промолчал.

— Вот то-то, — мягко сказала Шиша. — Не обман, а взаимовежливость. Мы не лезем к ним со своей сущностью, они не лезут к нам со своими... как это... — она поискала слово, — фобиями. А на деле — все видят, что хотят. Правда не все так просто, — добавила Шиша, уже выходя из вагона. — Среди людей есть те, кто видит. Кто обучен, или кто по природе своей. Но их мало, и они обычно молчат.

Они вышли из метро и направились к ЖК «Тихий Омут». Комплекс оказался впечатляющим: три высотных здания из стекла и бетона, с подсветкой, фонтаном во дворе и охраной на входе.

— Элитка, — прокомментировала Шиша, поправляя выбившуюся прядь волос. — Я такие нюхом чую. Там не просто деньги, там большие деньги. Нафаня, ты как здесь вообще оказался? Ты же домовый, тебе в старых домах жить положено, с печками, с подполами.

— А меня по распределению направили, — вздохнул Нафаня. — После академии домовых. Сказали, в новых домах тоже нужны специалисты. Печек нет, зато техники много. Я переучивался. Три года курсы проходил: «Современный домовый: от печки до смарт-дома». Диплом получил с отличием. И вот, работаю. Десять лет уже. Нормально было, пока эта напасть не случилась.

Они подошли к шлагбауму. Охранник — здоровый парень в форме — вышел из будки.

— Вы к кому?

— Мы к Нафане, — сказала Шиша. — Он здесь главный по уюту.

Охранник посмотрел на компанию. Взгляд его скользнул по лягушке, по Вене, по Нафане — и остановился на последнем с узнаванием.

— А, Нафанаил Петрович, — сказал он. — Проходите. Жильцы уже замучили жалобами. Хоть бы разобрались.

— Разберемся, — пообещал Нафаня. — Лучших специалистов привел. Правда, Вениамин Сергеевич?

Веня кивнул, хотя про себя отметил: охранник назвал Нафаню по имени и отчеству. Для него домовый — просто старший по дому, знакомый человек. Никакого удивления, что главный по уюту выглядит как лохматый мужичок в тельняшке.

Они вошли в холл первого подъезда. Там было чисто, светло, пахло свежестью и дорогим кофе из автомата. Но Венин нос уловил еще кое-что.

— Запах. Действительно пахнет... озоном. И паленым пластиком. Как будто проводка где-то греется. Но несильно, так, едва-едва.

— Озон и пластик, — задумчиво повторила Шиша. — Нафаня, у вас проводку не меняли недавно?

— Нет, — домовый покачал головой. — Все штатно работает. Проверяют регулярно.

— А кого-нибудь подозрительного не замечали? Чужих? Может, кто-то лазил по подвалам или чердакам?

Нафаня задумался.

— Был один, — сказал он нерешительно. — Недели две назад. Мужик какой-то, в спецовке, с ящиком. Сказал, из энергонадзора, проверяет счетчики. Я не приглядывался, подумал, что обычная проверка. А что?

— А то, — Шиша потерла руки. — Что у нас, кажется, появляется зацепка. Веник, бери нюх в зубы и идем. Сначала в подвал, потом к лифтам, потом по квартирам. Нафаня, веди.

Домовой кивнул и засеменил к служебной лестнице.

Веня глубоко вдохнул (озон и паленый пластик стали чуть сильнее) и последовал за ними.

— Ну что? — спросил он, с чувством выполненного долга. — Все данные подтверждаются. Запах есть, и он не связан с нечистью. Значит, принимаем гипотезу о техногенном источнике...

— Эта гипотеза, Веник, пока еще шита белыми нитками, — перебила Шиша. — Запах есть — это факт. А кто его источник — пока вопрос. Может, это не техномаг, а просто проводка не выдерживает. Кто-то из жильцов мог мощное оборудование подключать. Или домовый перегрел утюг.

— Домовые утюгами не пользуются, — заметил Нафаня.

— Это ничего не доказывает! — Шиша развела руками и повернулась к помощнику. — Поэтому я и говорю: не торопись с выводами. Давай так: ты нюхаешь, я слушаю, а выводы будем делать вместе. Договорились?

— Договорились, — вздохнул Веня, но в голосе его не слышалось ни нотки согласия.

Впереди было расследование, и он, кандидат наук (почти), бывший химик, а теперь упырь-стажёр по договору ГПХ, чувствовал, что это только начало.

Очень странное начало, в котором, как оказалось, не только люди видят ровно то, что хотят видеть. И это, возможно, самая сильная магия.

Глава 4. ЖК «Тихий Омут», или Запах озона и палёного пластика

В подъезде было тихо.

Подозрительно тихо для элитного жилого комплекса в девять вечера. Веня ожидал услышать музыку из-за стен, лай модной мелкой собаки, соседскую ссору из-за парковочного места или хотя бы звук телевизора, с кричащей рекламой кухонных гарнитуров по акции. Но вместо этого подъезд молчал так, будто в нём не жили люди, а хранили музейную мебель.

Только лифт гудел.

Ровно, монотонно, с нехорошим металлическим подвыванием, от которого у Вени между лопаток зачесалось дурное предчувствие.

— И давно у вас тут такой санаторий для невротиков? — спросила Шиша, оглядывая холл.

Нафаня, шедший впереди и слегка просвечивавший на фоне декоративной пальмы, тяжело вздохнул:

— С неделю. Жильцы теперь после девяти вечера шёпотом разговаривают. Телевизоры не включают. Музыка боятся ставить. Даже дети не бегают. Одна девочка вчера пошла на цыпочках в туалет, чтобы колонку не разбудить.

— Разумный ребёнок, — одобрила Шиша.

— А что, — не понял Веня, — у вас все телевизоры действительно только Ленина показывают?

Нафаня остановился и обернулся так резко, что его ухо стало почти прозрачным.

— Не просто Ленина, — трагически сказал он. — А чёрно-белого. В цветных телевизорах. Понимаешь уровень издевательства? В одной квартире хозяин ночью пошёл воды попить, а там Ильич ему с экрана: «Товарищ, а вы почему не на субботнике?» Мужик потом до утра в ванной сидел. С включённым светом.

Веня представил.

Ему стало не по себе, хотя с некоторых пор он был упырём и по идее должен был уже привыкнуть к тому, что мир сошёл с ума раньше него.

— Ладно, — сказала Шиша. — Веник, работай носом. Нафаня, не мельтеши. Квазимода, будь умницей.

Квазимода, сидевшая у Шиши на плече, осуждающе квакнула. Она всегда умница, и негоже в этом сомневаться.

Веня глубоко вдохнул.

Свежая краска на стенах. Дорогое средство для пола с цитрусовой отдушкой. Чей-то французский парфюм — сухой, резкий, с нотами перца и денег. Котлеты. Вкусные, домашние, в панировке, из-за двери на уровне второго этажа. Пыль из вентиляции. Холодный металл лифтовых дверей.

И подо всем этим — другое.

Тонкое. Едкое. Неправильное.

— Есть, — сказал Веня, открывая глаза. — Запах перегретой проводки. И озона.

Шиша довольно кивнула:

— Вот. Уже лучше.

— Усиливается у лифта, — продолжил Веня, сам удивляясь, что говорит так уверенно. — И тянется вверх, по шахте. Но ещё... — он повернул голову в сторону лестницы, — ещё идёт снизу. Из подвала или технического этажа. И откуда-то сбоку. Как будто источник не один, а несколько связанных.

— Нормально излагаешь, академик, — хмыкнула Шиша.

— Я не академик.

— Слава болотам, а то ты бы меня уже таблицей запахов мучил.

Она подошла к лифту и провела пальцами по металлической двери. Лампочка над кнопкой вызова мигнула, хотя никто её не нажимал. Двери разъехались с усталым вздохом.

Внутри, в углу кабины, сидел мужчина в дорогом костюме и галстуке.

Полупрозрачный.

Очень печальный.

— О, — сказал он. — Опять проверка? А можно на этот раз без экзорцизма?

Веня вздрогнул.

— Это... — начал он.

— Лифтовой, — сказала Шиша. — Не пялься. Здрасьте, уважаемый. По делу мы.

— Степан Иванович, — представился призрак, вставая. Сквозь его грудь было видно кнопку с цифрой восемь. — А вы кто будете?

— Сыскное агентство «У Шиши». Это Веня. Это Нафаня. Лягушка — Квазимода. Она умнее некоторых живых.

Квазимода сдержанно квакнула, подтверждая, что да, умнее.

Степан Иванович оглядел их с вежливым интересом.

— Хорошо, что пришли. А то я уже начал думать, что схожу с ума вторично.

— А в первый раз как было? — не удержался Веня.

— В первый раз я умер, — мрачно пояснил Степан Иванович. — В девятнадцатом году. Лифт застрял между этажами, я перенервничал, сердце и того. Теперь вот при месте службы. Карьерный рост, можно сказать, вертикальный.

Нафаня жалобно шмыгнул носом. Видимо, от сочувствия и корпоративной солидарности по линии неживых работников ЖКХ.

— Что у вас по симптомам? — деловито спросила Шиша.

— По каким?

— По странностям.

Степан Иванович вздохнул и начал загибать призрачные пальцы:

— Во-первых, напряжение скачет. Лифт то летит, как одержимый, то задумывается между этажами, будто вспоминает куда ехал. Во-вторых, по ночам в шахте пахнет палёным. С часу до трёх особенно. В-третьих, меня фонит.

— Что значит «фонит»? — уточнил Веня.

— А то и значит. Раньше я был нормальный призрак: тихий, культурный, максимум шепну кому-нибудь «ремонт на том свете дешевле». А теперь меня дёргает. Иногда самопроизвольно говорю техническими терминами. Вчера бабушке с седьмого этажа сообщил, что у неё нестабильный канал передачи сигнала. Она после этого полчаса молилась роутеру.

— Существенно, — сказала Шиша. — Ещё что-нибудь?

Степан Иванович задумался.

— Гул. Снизу. Ночью. Будто огромный вентилятор жужжит. Не в подъезде. Ниже. Дальше. Но по шахте отдаёт.

Веня быстро записал.

Шиша покосилась на блокнот, но промолчала. Видимо, когда блокнот приносил пользу, он временно переставал быть признаком душевной болезни.

— Спасибо, Степан Иванович, — сказала она. — Если что вспомните — не рассеивайтесь.

— Я стараюсь, — грустно сказал лифтовой. — Но напряжение, знаете ли.

Двери лифта закрылись, и призрак снова растворился в своей кабине, как позитивное мышление растворяется при виде суммы за коммунальные платежи.

Они вышли во двор.

Фонтан в центре «Тихого Омута» выглядел дорого, бессмысленно и оскорбительно для водных существ. В середине чаши стояла бронзовая русалка с еле прикрытой волосами грудью и рыбьим хвостом.

Шиша, едва увидев статую, скривилась.

— Безвкусица, — сказала она. — И провокация.

— В смысле? — не понял Веня.

— В прямом. Покажи настоящей русалке хвост — она тебе этим хвостом по голове и даст. Потому что хвоста у неё нет и никогда не было.

— А зачем тогда статую...

— Потому что люди любят чушь в бронзе, — отрезала Шиша и подошла к воде.

Она коснулась поверхности ладонью.

Вода мгновенно успокоилась. Даже подсветка под ней стала тише, будто испугалась. По глади пошли круги, глубокие, тяжёлые, и из самой середины поднялась зелёная голова с усами и глазами человека, которого уже всё достало.

— Ну? — буркнул водяной. — Кто шумит?

Потом увидел Шишу, смягчился и добавил:

— А, свои. Здравствуй, болотная.

— И тебе не хворать, — сказала Шиша. — Чего на дне залёг, братец?

— А ты бы сама не залегла? — проворчал водяной. — По ночам такой гул стоит, что у меня кувшинки гибнут. Вода дрожит. Рыба нервная стала, кругами ходит. Я уже какую ночь без сна.

— Откуда гул?

Водяной ткнул мокрым пальцем в сторону соседнего дома.

Дом был старый, невысокий, жавшийся к сияющей элитке с видом родственника, которого позвали на свадьбу из жалости. Окна в нём были тёмные, фасад облезлый, а на первом этаже тускло светилась вывеска, которую отсюда было не разобрать.

— Оттуда, — сказал водяной. — Из подвала. Ночью включается и гудит. Долго. Мерзко. Как будто электромагнит, или еще какая зараза.

— Подвал соседнего дома, — повторил Веня, записывая. — Гул по ночам. Отдаёт в воду. Через коммуникации может передаваться на ЖК...

— Молодец, — сказала Шиша. — Когда не паникуешь, ты почти пригоден.

— Спасибо, — мрачно ответил Веня. — Кажется.

— А ещё, — добавил водяной, — у нас в фонтане статуя оскорбительная.

— Я уже заметила, — кивнула Шиша.

— Я не жалею, — поспешно сказал водяной. — Просто довожу до сведения. Русалки тут уже скандалили. Неделью назад. Или две. Они, когда орут, у меня мальки в ил зарываются.

Шиша приподняла бровь.

Веня тоже посмотрел на статую уже с некоторым подозрением.

— Спасибо, — сказала Шиша. — Держи.

Она бросила в воду что-то из кармана. Судя по запаху, сушёных мухоморов.

Водяной ловко подхватил гостинец и с уважением кивнул:

— Настоящие. Уважаю.

И ушёл на дно.

— Так, — сказал Веня, когда они отошли от фонтана. — У нас есть лифтовой призрак со скачками напряжения. Есть водяной с жалобой на гул из соседнего подвала. Есть запах озона и палёного пластика. Это не нечисть.

— Ну, сама по себе — нет, — согласилась Шиша.

— И значит, источник техногенный.

— Возможно.

— Почему «возможно»? — не выдержал Веня. — Всё же сходится!

— Потому что, — терпеливо сказала Шиша, — в нашем мире всё может сходиться в одну сторону, а утопать в другой. Нюх — это хорошо. Логика — тоже. Но сначала надо руками потрогать.

— Пылесос? — догадался Веня.

— Пылесос, — кивнула Шиша. — Нафаня, где у нас самая буйная квартира?

— Пятая башня... э-э... нет, третий подъезд, квартира сорок два. Там пенсионерка. Очень нервная. У неё пылесос каждую ночь такую пентаграмму выводит — загляденье, если б не страшно.

— Веди, — сказала Шиша.

Квартира номер сорок два пахла валерьянкой, старинной деревянной мебелью и кошкой. Дверь открыла женщина в халате, с бигуди и лицом человека, который уже и в магию не верит, и в бытовую технику больше тоже.

— Вы кто? — подозрительно спросила она.

— Сыскное агентство, — бодро сказала Шиша и показала удостоверение.

Удостоверение было всё той же картонкой с отпечатком лягушачьей лапы, но на людей оно действовало безотказно.

— А-а, — сразу успокоилась пенсионерка. — По поводу сатанинского пылесоса? Заходите. Только тапки наденьте, у меня чисто. Он, гад, хоть и чертит, но пылесосит аккуратно.

На паркете в гостиной действительно красовалась пентаграмма.

Ровная.

Симметричная.

Почти красивая, если забыть, что её нарисовал робот-пылесос посреди ночи.

— Геометрически безупречно, — машинально сказал Веня.

— Не хвали! — всплеснула руками хозяйка. — Он и так, по-моему, возгордился.

Сам пылесос стоял в углу у базы зарядки и делал вид, что он тут ни при чём. Круглый, чёрный, скромный, с абсолютно бессовестным видом.

Веня подошёл к нему, присел, понюхал.

— Горелый пластик. Слабо. Но есть.

— Где? — тут же оказалась рядом Шиша.

Веня провёл пальцами по боковой панели.

— Внутри. Тут недавно вскрывали.

— Отвёртка есть? — спросила Шиша у хозяйки.

— Конечно, — гордо сказала пенсионерка. — Я замужем тридцать лет была. У меня всё есть.

Через минуту Веня уже снимал панель, стараясь не сломать защёлки. Пылесос подозрительно молчал.

— Если он сейчас заговорит, — тихо сказал Веня, — я, наверное, уже не удивлюсь.

Панель отошла.

Внутри, между штатными платами и проводами, торчал маленький дополнительный чип. Припаянный криво, на скорую руку, но держался крепко. У одного края пластик был подплавлен.

— Вот, — сказал Веня. — Не заводская деталь.

Он осторожно подцепил её пинцетом из хозяйского швейного набора и вынул наружу.

На чипе был логотип — трезубец в круге.

Шиша прищурилась.

— Трезубец, — сказала она.

— Trident, — прочитал Веня. — Фирма.

— Посейдон, — уверенно сказала Шиша.

— Что?

— Посейдон, говорю. Трезубец — его символ. Вода. Русалки. Фонтан. Всё сходится. Веня медленно повернул к ней голову.

— Шишимора Ефремовна. Это просто бренд электронных компонентов.

— А почему с трезубцем?

— Потому что маркетологи так придумали.

— Неубедительно, — сказала Шиша.

— Очень убедительно! — возмутился Веня. — Я такие видел в институте. Дешёвые.

Греются. Их ставят куда попало, когда не хотят тратиться на нормальные детали.

Шиша покрутила чип в пальцах.

— То есть ты хочешь сказать, что это не послание водной братии, а просто дрянная железка?

— Да.

— Скучно.

— Зато правда.

Шиша вздохнула, но чип не отдала.

— А статуя с хвостом всё равно оскорбительная, — упрямо сказала она.

— С этим я не спорю.

Они осмотрели ещё две квартиры.

В одной холодильник действительно размораживался ровно в три часа ночи и пах недовольством и селёдкой. В другой умная колонка, обиженно мигая индикатором, отказалась разговаривать без адвоката. В третьей телевизор сам включился на хронике с Лениным ровно в тот момент, когда Веня вошёл в комнату, и Шиша мрачно сказала:

— Ну вот. Ильич опять на линии.

Во всех случаях картина была одна и та же.

Озон.

Палёный пластик.

Чужая, навязанная пайка.

К четырём утра у них был пакет с уликами, две жалобы от жильцов, один дополнительный чип, который Нафаня подобрал за шкафом в квартире на двенадцатом этаже, и всё более мрачное лицо Вени.

Они вернулись в холл первого этажа и остановились у окна.

Снаружи бледнело небо. Двор был пуст. Фонтан шептал в полголоса. Охранник в будке клевал носом, не подозревая, что вверенный ему жилой комплекс медленно сводит с ума сразу несколько форм жизни.

Веня раскрыл блокнот.

— Итак. Версия первая: техномаг подключился к коммуникациям соседнего дома и через них влияет на технику в ЖК. Версия вторая: кто-то вручную модифицировал бытовые приборы в квартирах. Версия третья...

— Русалки, — сказала Шиша.

Веня закрыл глаза.

— Мы же только что выяснили, что чип — не Посейдон.

— Чип — может, и нет. А вот мотив — вполне.

— Какой ещё мотив?

Шиша развернулась и ткнула пальцем в сторону двора, где над фонтаном возвышалась бронзовая хвостатая красавица.

— Оскорбление.

— Вы серьёзно?

— Более чем. Ты не жил триста лет среди водной родни, Веня. Русалки из-за меньшего устраивали бойкот водоснабжения на дачах. А тут им во дворе поставили бронзовую рыбу с бюстом и назвали это русалкой. Да они за такое лет сорок мстить будут.

— Но водяной сказал, что гул идёт из соседнего подвала.

— Того самого дома, — уточнила Шиша, — где, между прочим, находится фитнес-клуб «Русалки на гребне».

Нафаня перестал просвечивать от удивления и снова стал плотнее.

— Точно, — сказал он. — Там же эти... навки. Я про них и забыл. Шумные такие. Всё время в леопардовом. Я с ними не связываюсь.

— Навки? — переспросил Веня.

— Водная нечисть, — пояснила Шиша. — Родня русалкам, только хуже в части характера и лучше в части скандалов. Любят бассейны, фитнес, сплетни и коллективное осуждение.

— И вы считаете, что они по ночам впаивают чипы в пылесосы жильцов элитного ЖК?

— Я считаю, — сказала Шиша, — что если рядом с местом аномалии есть фитнес-клуб водной нечисти, подвал, гул и оскорбительная статуя, то проверять надо именно их.

— Логически это не следует, — сказал Веня.

— Болотно — следует.

— Это не метод.

— Это опыт.

— Это предубеждение.

— Это интуиция.

— Судя по всему спорить бесполезно, — мрачно сказал Веня.

Шиша просияла.

— Вот! Ты уже начинаешь понимать ход расследования. У них там, кстати, делают отличный зелёный смузи. Если разговор не пойдёт, хоть витаминов попьём.

Веня посмотрел на пакет с уликами. На чип в руке Шиши. На Нафаню, который с надеждой ловил каждое слово. На Квазимоду, тихо квакавшую у Шиши на плече.

Потом глубоко вдохнул и сразу пожалел об этом, потому что подъезд снова пах озоном, тревогой и чужой самоуверенностью.

— Хорошо, — сказал он. — Идём к вашим навкам. Но только как на проверку версии.

— Конечно, — невинно сказала Шиша.

— А не как на фитнес.

— Разумеется.

— И без смузи.

Шиша ничего не ответила.

Это было хуже любого ответа.

Квазимода издала короткое, предательски весёлое «ква».

Веня посмотрел на неё с обречённостью человека, который ещё вчера занимался белковыми соединениями, а завтра, судя по всему, будет допрашивать водную нечисть в леопардовых купальниках.

К пяти утра они вернулись в агентство, измотанные, но с уликами. Веня разложил чипы на столе, подписал каждую находку, составил предварительный отчёт. Шиша сидела в кресле, потягивая его фирменный кофе.

— Ладно, — резюмировал помощник. — Утром — фитнес-клуб. Ночью — подвал. Договорились?

— Договорились, — кивнула Шиша и вдруг посмотрела на продавленный диван, на котором уже спал Лешик. — Слушай, химик. Домой ты уже не успеешь. Ты тут на диване, размещайся с Лешиком, а я к себе.

— К себе? — не понял Веня.

Шишмора встала, прошла к дальней стене офиса, которая выглядела как обычная кирпичная кладка, и провела ладонью по шву между кирпичами. Веня услышал тихий щелчок, похожий на то, как открывается старинный замок. Стена бесшумно раздвинулась, открывая проход.

— Прошу, — сказала Шиша с видом фокусника, который только что вытащил кролика из шляпы.

Веня подошёл ближе и замер.

За стеной оказалась небольшая гостиная с мягким диваном, заваленным подушками, и низким столиком, на котором стояла ваза со свежими полевыми цветами. Дальше, за дверью виднелась просторная спальня, освещённая мягким зелёноватым светом, исходящим от ламп, замаскированных под кувшинки. Пол был выложен тёплым светлым деревом, стены — резными панелями из карельской берёзы. В углу широкая кровать под балдахином из полупрозрачной ткани, переливающейся, как в лунную ночь. Рядом — массивный дубовый шкаф с резными ручками в виде стрекоз. Дальше виднелась еще одна дверь — Это... — Веня сглотнул, — это у вас тут?

— А то, — Шиша прошла внутрь, провела рукой по спинке кровати. — Спальня, гостиная, кухня. И ванная, между прочим, с видом на болото. Успокаивает.

Она толкнула ещё одну дверь, и Веня увидел просторную ванную комнату, отделанную светлым мрамором с зелёными прожилками. В центре стояла огромная ванна на львиных лапах, над ней — окно, за которым мерцал болотный пейзаж с кувшинками и цаплями. Веня знал, что за стеной — шумный город, но отсюда доносилось только кваканье лягушек и шелест камыша.

— Голограмма? — спросил он, показывая на окно.

— А ты проверь, — усмехнулась Шиша.

Веня подошёл и протянул руку. Пальцы коснулись тёплого стекла, а за ним — настоящий воздух, запах тины и кувшинок. Он отдёрнул руку.

— Это портал?

— Нет, просто окно, — Шиша пожала плечами. — Я его в нужное место вывела. Там, за городом, есть одно болотце, тихое, безлюдное.

Веня смотрел на эту комнату, на мраморную ванну, на кровать под балдахином, и чувствовал, как его представление о Шише меняется. Он думал, она живёт в этом захламлённом офисе, спит на диване, ест всухомятку. А у неё тут — целые апартаменты.

— И давно это у вас? — спросил он.

— Лет сто, — Шиша поправила подушку на кровати. — Дом старый, я здесь обосновалась ещё до революции. Потом, когда город расширился, пришлось маскироваться. Стена с заклинанием — чтобы случайно никто не зашёл. А так — уютно, правда?

— Не то слово, — честно признался Веня. — Я комнату снимаю в коммуналке. Восемь метров. И душ общий.

— Ничего, — Шиша хлопнула его по плечу. — Раскроешь пару дел — сможешь себе получше жильё позволить. А пока — располагайся на диване. Я пойду ванну приму, а то от этого ЖК вся болотная энергия выветрилась.

Она щёлкнула пальцами, и стена в апартаменты закрылась, оставив Веню в офисе. Тот снова оказался в полумраке, среди стопок бумаг и лягушек. Лешик мирно посапывал на диване.

— Ну, — сказал Веня сам себе, глядя на стену, за которой скрылась Шиша. — Хоть немного надо выспаться.

Он улёгся на диван, стараясь не задеть Лешика, и устался в потолок.

Сон не шёл. Мысли крутились вокруг чипов, запаха горелой проводки, странного разговора с водяным и предстоящего визита в фитнес-клуб, где, по мнению Шиши, скрывались глав-

ные подозреваемые. Ему казалось, что они теряют время, но спорить с разогнавшейся шишиморой было бесполезно.

Он ворочался, вздыхал, переворачивал подушку то одной стороной, то другой.

— Ну чего ты там, как уж на сковородке? — раздался вдруг старческий голос из темноты.

Веня приподнялся. Лешик сидел на другом конце дивана и смотрел на него жёлтыми глазами.

— Простите, разбудил? — виновато спросил Веня.

— Разбудил, — проворчал леший. — Крутишься, вертишься, думаешь... А думать надо в другую сторону.

— В какую?

— Эх, — Лешик крякнул. — Шумит в лесу, а беда-то в дупле. Вы ищите, где громко, а надо — где тихо. Вода камень точит, а тепло — железо. Кто в подвале прячется, тот и свечку зажжёт.

Веня сел.

— Вы про что?

— А про то, — Лешик почесал мохнатую грудь. — Вы всё вокруг да около ходите, а главное под носом. Соседний дом, говорите? А вы знаете, что в том подвале раньше котельная была? И трубы оттуда до сих пор под землёй идут. Прямо в этот ЖК. Если кто по трубам подключился — никакой счётчик не заметит.

Веня мигом проснулся.

— Котельная? Трубы трубами, но нас то интересуют провода.

— Провода, — кивнул Лешик. — Только ты пойми, что магии все равно какой канал ты используешь.

— Откуда вы знаете?

— Давно живу, — усмехнулся леший. — Знаю, как трубы лежат, как провода тянутся. Если хотите найти вора — идите не в подъезд, а в техподполье. Там все нитки сходятся.

Он крякнул, перевернулся на другой бок и через секунду уже храпел.

Веня сидел, глядя на него. Техподполье. Котельная. Старая проводка. Всё сходилось.

Он хотел уже встать и постучать в дверь Шиши, но решил подождать утра. А пока — попробовать уснуть.

Сон не шёл. Мысли бежали, перепрыгивая с чипов на трубы, с труб на фитнес-клуб, с клуба — на подозрительного мужика из энергонадзора.

Веня закрыл глаза и провалился в тяжёлый упыриный сон уже под самое утро, когда за окнами начало сереть.

Глава 5. Фитнес-клуб «Русалки на гребне», или Веня знакомится с Валерией Валерьевной.

Веня проснулся от того, что кто-то настойчиво тыкал его в щеку мокрым холодным предметом.

— Ква! — сообщила Квазимода, сидя у него на груди и выжидательно глядя в глаза, как бухгалтер перед дедлайном.

— Который час? — просипел Веня.

Квазимода наклонилась, посмотрела на его телефон... потом на него...

— Ква.

— Понятно, — вздохнул Веня. — Ты считаешь, что мне пора вставать и платить по счетам.

Из открытой двери в дальнем конце офиса тянуло ароматом свежесваренного кофе. Веня сел, потер лицо и понял, что совсем не выспался. Упыриный режим давал о себе знать: спал он часов пять, но чувствовал себя так, будто не сомкнул глаз.

— Химик, ты жив? — донеслось из спальни. — Кофе стынет!

Веня наскоро привел себя в порядок, пригладил волосы и, стараясь не разбудить Лешика, прошёл к заветной двери. Шиша уже сидела в гостиной за низким столиком, заставленным чашками и тарелками. На ней был длинный льняной сарафан цвета молодой листвы, волосы свободно лежали на плечах, и без привычной стрекозы в причёске она выглядела почти человеком.

— Кофе по твоему рецепту, — она кивнула на чашку. — Квазимода одобрила. А это, между прочим, уровень.

— Спасибо, — осторожно сказал Веня, пробуя.

И замер.

— Это... идеально.

— Запомни этот момент, — кивнула Шиша. — Потому что дальше будет хуже. Мы идём к русалкам.

— Хорошо, но мы договорились: сначала клуб, потом подвал, — напомнил Веня, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

— Договорились, — кивнула Шиша. — Я пари проиграла, помню. Но пока мы не проверим русалок, я буду настаивать. Ты же не хочешь, чтобы я в подвале отвлекалась на посторонние мысли?

Веня промолчал, но про себя отметил, что спорить с утренней Шишей ещё бесполезнее, чем с вечерней.

— Только сразу предупреждаю, — продолжила она, вставая и поправляя сарафан. — Русалки — дамы склочные, обидчивые и очень громкие. Если начнут спорить — не перебивай. Если начнут кричать — не перекрикивай. Если начнут плевать — просто отойди в сторону.

— Плевать? — переспросил Веня.

— Они водные духи, — Шиша пожала плечами. — Когда нервничают, вокруг них конденсат скапливается. И летит во все стороны. Особенно на того, кто задаёт неприятные вопросы.

— Мне нужно задавать вопросы? — уточнил Веня.

— Нет, — Шиша улыбнулась. — Ты будешь делать вид, что тебе очень интересно, что я говорю.

— Я не умею делать вид, — честно сказал Веня.

— Вот и отлично, — Шиша подхватила с подоконника банку с Феклой и сунула её Веня в руки. — Будешь смотреть на лягушку. Это всегда успокаивает. И собеседников, и меня.

Фитнес-клуб «Русалки на гребне» располагался на первом этаже того самого соседнего дома, из подвала которого, по словам водяного, по ночам доносился гул. Снаружи он выглядел как обычный фитнес: вывеска с плавающей девицей, стеклянные двери, за которыми виднелась стойка администратора, и яркий баннер с надписью «Аквааэробика для всех возрастов!».

— Смотри, — сказала Шиша, тыкая в плакат. — Нормальная русалка. С ногами.

— А в фонтане? — уточнил Веня.

— Оскорбление, — отрезала Шиша.

— И поэтому они портят технику во всём доме? — Веня всё ещё надеялся, что Шиша передумает.

— И поэтому мы сейчас пойдём и спросим, — Шиша толкнула стеклянную дверь.

Внутри клуб пах хлоркой, дорогой косметикой и почему-то водорослями. На ресепшене сидела девушка в белой форме, с идеальной укладкой и таким же идеальным макияжем. Она подняла голову, увидела Шишу и...

— О, — сказала девушка. — Шишимора? Вы к нам записывались?

— Нет, — Шиша положила на стойку удостоверение с лягушачьей лапкой. — Мы по делу. Мне нужна ваша старшая.

Девушка посмотрела на удостоверение, потом на Шишу, потом на Веню, который стоял с банкой, в которой Фекла с интересом разглядывала аквариум с золотыми рыбками у стены.

— Старшая в бассейне, — сказала она. — Проводить?

— Сама найду, — Шиша уже шагала вглубь клуба, и девушка даже не попыталась её остановить.

— Постойте, — Веня догнал её в коридоре. — Ничего, что мы так вломились? У нас же нет абонемента.

— Академик, — Шиша даже не обернулась. — Мы пришли по делу, а не пляски в воде устраивать, успокойся.

Веня хотел еще что-то спросить, но они уже вошли в зал для аквааэробики.

Бассейн был огромным, с подсветкой и подогревом. Вода в нём казалась живой — переливалась, дышала, тихонько плескалась у бортиков, будто прислушиваясь к разговорам русалок.

И вот тут Веня понял, что совершил стратегическую ошибку.

В воде сидели русалки.

Пять штук.

Все красивые.

Все смотрят.

Все оценивают.

— Я передумал, — шёпотом сказал Веня. — Я лучше в подвал. Там безопаснее. Там максимум — техномаг.

— Поздно, — сказала Шиша и громко позвала главную: — Валирис! Есть разговор.

Русалки отвлеклись от разглядывания единственного мужчины в бассейне. Та, что сидела в центре, с роскошной гривой медных волос и пронзительными зелёными глазами, узнала Шишу сразу. Её губы тронула усмешка.

— Шишимора, — сказала она, и в голосе не было удивления, только лёгкое ехидство. — Какими судьбами? Неужели болотная вода наскучила, что ты пришла к нам?

— Валирис, — кивнула Шиша, — Всё такая же язвительная. Что за пошлый цвет волос? Раньше ты не выглядела настолько вульгарной.

— А ты всё такой же болотный куст — колючая и зелёная, — парировала русалка. — Но заходи. Раз пришла — значит, дело серьёзное.

Остальные русалки переглянулись, но старшая махнула рукой, и те отплыли к дальнему бортику, оставив пространство для разговора.

Шиша подошла к краю бассейна. Веня остался стоять чуть поодаль, не зная, куда себя деть. Валирис окинула его быстрым взглядом.

— Это кто с тобой? Упырь? — спросила она.

— Помощник, — коротко ответила Шиша. — Стажёр. Не обращай внимания.

— Стажёр? — Валирис усмехнулась. — Шишимора завела себе мальчика на побегушках? Не ожидала. Ты всегда была одиночкой. Или лучше сказать болотной кошкой.

— У него нюх, — сухо сказала Шиша. — И отличный кофе.

— Нюхает и варит кофе, — повторила Валирис, и в её голосе зазвучали игривые нотки. — А ещё он, кажется, очень мило смущается. — Она обратилась прямо к Вене: — Ты, красавчик, давно у этой старой ведьмы?

— Я не старая, — буркнула Шиша.

— Акто спорит? — Валирис невинно захлопала глазами.

Веня почувствовал, что краснеет. Клыки предательски выдвинулись.

— Я... я всего несколько дней, — выдавил он.

— Свежее мясо, — хмыкнула Валирис. — Будем знакомы, Валирис Валирион, для людей просто Валерия Валерьевна, — плотоядно оглядев Вениамина русалка повернулась к Шишиморе, — Ладно, болотная, выкладывай, зачем приплыла. Не ради ностальгии же.

Шиша села на корточки у бортика, оказавшись с русалкой почти на одном уровне.

— По делу. В ЖК «Тихий Омут» техника с ума сходит. Домовые тают. В вашем подвале по ночам гул стоит.

— Это не мы, — твёрдо сказала Валирис. — Мы тут ни при чём. Сами спать не можем от этого гула.

— Я знаю, — кивнула Шиша. — Но кто-то в вашем здании точно при чём. Ничего подозрительного не замечали? Может кто-то ходит в подвал? Где тут у вас электрощитовые и коммуникации?

— Ошивался тут один, говорил из энергонадзора. В щитовой ковырялся, но мы туда не ходим. Там пыльно, темно и пахнет железом. А входа в подвал из нашего клуба нет. Не знаю кто там может ходить.

— Понятно. — Шиша помолчала. — Валирис, у меня к тебе будет личный разговор. — Она покосилась на Веню. — Академик, отойди на минутку. Вон, аквариум с золотыми рыбками. Фекле скучно одной.

Веня хотел возразить, но под взглядом Шиши понял, что спорить бесполезно. Вздохнул и подошёл к аквариуму.

Золотая рыбка подплыла к стеклу и уставилась на него.

Веня уставился на неё.

Они смотрели друг на друга секунд десять.

— Если ты сейчас заговоришь, — тихо сказал Веня, — я просто окончательно сойду с ума.

Рыбка открыла рот.

Веня вздрогнул.

Рыбка молча закрыла рот.

— Спасибо, — выдохнул Веня. — Спасибо, что у тебя есть чувство меры.

Фекла в банке осуждающе квакнула.

— Да, ты бы заговорила, я знаю.

Как только помощник отошёл на несколько шагов, Шиша щёлкнула пальцами. Вода в бассейне вокруг неё и Валирис пошла рябью, а затем поднялась тонкой прозрачной стеной, образуя купол. Снаружи ничего не было слышно.

— Маскировка, — объяснила Шиша. — Чтобы наш академик не услышал.

— И к чему такие предосторожности? — Валирис прищурилась. — Неужели этот мальчик настолько важен?

— Важнее, чем ты думаешь, — Шиша кивнула в сторону Вени. — У него проблемы. Большие. «Контора» на него охотится.

Валирис помрачнела.

— «Контора»? — подняла она бровь.

— Она самая. Клыков — их бывший подопытный. Уникальный образец. Они хотят его вернуть.

— И ты хочешь, чтобы мы его спрятали? — Валирис снова посмотрела на Веню. — Красивый мальчик. Жаль будет, если пропадёт.

— Не пропадёт, — жёстко сказала Шиша. — Если вы можете.

— А что нам за это будет? — Валирис скрестила руки. — Мы не благотворительный фонд, болотная. Мы русалки. Мы помогаем тем, кто нам интересен.

— Он будет вам интересен, — пообещала Шиша. — У него нюх, как у ищейки, и научный склад ума. Пригодится, когда «Контора» заинтересуется твоей водной братией.

— Ты предлагаешь бартер? Наш безопасный коридор в обмен на его услуги?

— Я предлагаю тебе подумать о будущем, — сказала Шиша. — «Контора» слишком активизировалась. Рано или поздно они доберутся до воды. До вас. А Клыков — тот, кто может объединить нечисть против них. Он не продался, не сломался. Он упрямый, как... — она запнулась.

— Как ты? — подсказала Валирис.

— Как я, — нехотя признала Шиша.

Валирис рассмеялась. Звонко, по-русалочьи, с переливом, словно ручей побежал.

— Смотри-ка, болотная, ты смягчаешься. Этот упырь тебе не просто помощник, да?

— Он мне стажёр, — отрезала Шиша, но в её голосе проскользнула едва заметная нотка, которую Валирис уловила сразу. — Просто стажёр.

— Конечно-конечно, — усмехнулась Валирис. — Ты триста лет никого к себе не подпускала, а тут вдруг взяла мальчика с клыками. И варит он кофе, и нюхает хорошо. И краснеет мило. Смотри, как бы он тебе сердце не разбил.

— Мы не об этом, — сквозь зубы сказала Шиша. — Ты сможешь или нет?

Валирис посмотрела на Веню, потом на Шишу, потом снова на Веню.

— Ладно, — сказала она. — Если случится беда — приводи его к любому водоёму. Фонтан, пруд, да хоть лужа. Скажешь: «Валирис, сестры, примите под защиту». И мы спрячем его. Проведём по водным путям, где никто не найдёт.

— Спасибо.

— Не благодари. Но учти, болотная: если он мне понравится, я могу оставить его у себя. Плавать в бассейне, пить зелёные коктейли и краснеть, когда я на него смотрю. — Валирис усмехнулась. — Ты не будешь возражать?

Шиша стиснула зубы.

— Он сам решит, где ему оставаться, — сказала она сдержанно. — Не я и не ты.

— О, как ты заговорила, — протянула Валирис. — Раньше ты никому не позволяла выбирать. Сама решала за всех. Видно, стажёр на тебя влияет.

— Мы закончили? — спросила Шиша, и в её голосе зазвенела сталь.

— Закончили, — кивнула Валирис. — Иди, болотная. Береги своего стажёра. И брось ревновать — я просто шучу.

— Я не ревную, — отрезала Шиша.

— Конечно-конечно, — усмехнулась Валирис. — Как скажешь.

Шиша щёлкнула пальцами, и водяной купол опал.

— Веник! — крикнула она, не оборачиваясь. — Иди сюда. Мы закончили.

Веня обернулся, подошёл, чувствуя, что в воздухе снова витает что-то невысказанное.

— О чём вы говорили? — спросил он.

— О женском, — отрезала Шиша.

— А почему вы красная? — спросил Веня.

— Я не красная. Это вода бликует.

— Но вода же не красная? — удивился Веня.

— Веник, — сказала Шиша, — ты хочешь жить?

— Да.

— Тогда перестань анализировать.

— Это сложно.

— Я заметила.

Валирис, сидевшая в бассейне, тихо рассмеялась. Шиша метнула в неё взгляд, полный обещания болотной кары, но русалка только пожала плечами.

— Идём, академик, — сказала Шиша, хватая Веню за рукав. — Нам ещё дверь в техподполье искать.

— Погодите, — Веня вывернулся. — А как же электрощитовая? Русалка сказала, что мужик из энергонадзора там был. Может, он что-то оставил?

Шиша остановилась.

— Логично, — нехотя признала она. — Ладно, пошли.

Они направились к раздевалкам, и Веня на секунду обернулся. Валирис смотрела ему вслед, и на её губах играла загадочная улыбка.

— Удачи, красавчик! — крикнула она. — Если что — мы здесь!

Веня ускорил шаг. Ему показалось, что Шиша тоже ускорила, хотя она шла впереди и не оборачивалась.

Подсобка за раздевалкой оказалась маленькой тесной комнаткой, заваленной спортивным инвентарём. В углу висел ржавый электрощиток с торчащими проводами.

— Ну и где тут следы? — спросила Шиша, оглядываясь.

Веня принюхался. Пахло сыростью, хлоркой, резиной от ковриков и...

— Озон, — сказал он. — Слабо, но есть.

Он подошёл к щитку и осторожно открыл дверцу. Внутри, среди пыльных проводов, висела небольшая коробка, явно самодельная, с торчащими проводами и мигающим зелёным светодиодом.

— Нашли, — тихо сказал Веня.

Шиша подошла ближе.

— Что это? — спросила она.

— Скорее всего, ретранслятор, — Веня осторожно осмотрел коробку. — Он передаёт сигнал... куда-то. Вероятно, в подвал.

— Зачем?

— Не знаю. Чтобы знать, сколько энергии воруют, — Веня достал телефон и сфотографировал коробку. — Или чтобы не отключать всё сразу, а только часть. Чтобы никто не заметил.

— Но заметили же, — заметила Шиша.

— Потому что техномаг переборщил, — Веня аккуратно закрыл щиток. — Или ему нужно было больше энергии. Скорее всего, он подключился не только к электросетям, но и к общим коммуникациям. А это уже заметно.

— Значит, он где-то рядом, — сказала Шиша. — В этом здании или в соседнем. Но раз русалки его больше не видели, значит, он не появляется на свет. Сидит в подвале.

— Или выходит по ночам, — добавил Веня.

Шиша посмотрела на часы.

— До ночи ещё долго, — сказала она. — Но если мы сейчас начнём искать вход в подвал, можем спугнуть.

— А если не начнём, он уйдёт, — возразил Веня. — Мы нашли ретранслятор. Если он заметит, что его обнаружили, он может всё свернуть и исчезнуть.

— Тогда надо действовать быстро, — решила Шиша. — Ты идёшь в ЖК, к Нафане. Спрашиваешь, где у них вход в техподполье. Я остаюсь здесь, смотрю, не появится ли наш техномаг.

— Одна? — Веня почувствовал, как внутри шевельнулась тревога.

— А что такого? — Шиша усмехнулась. — Я, между прочим, триста лет прожила без твоих блокнотов. Справлюсь. А ты давай, шевели академическими ногами. Время не резиновое.

Веня хотел возразить, но Шиша уже вытолкала его из подсобки.

— Жду от тебя вестей! — крикнула она сквозь дверь. — И не вздумай лезть в подвал один! Я хочу посмотреть на этого техномага вживую!

— Я же не идиот! — ответил Веня, выходя из клуба.

Фекла посмотрела на него.

Очень внимательно.

— ...в большинстве случаев, — поправился он.

Фекла одобрительно квакнула.

Глава 6. Ёшкин сервис, или Баба Яга под подозрением

Веня вышел из фитнес-клуба с банкой, в которой Фекла задумчиво молчала, как философ, разочаровавшийся в человечестве и решивший временно перейти на кваканье. На улице уже начинало смеркаться. Шиша догнала его у выхода, поправляя выбившуюся из причёски прядь.

— Я всё-таки с тобой, академик. В клубе пока Валирис присмотрит за щитовой. Русалки не виноваты. Снова твоя взяла.

— Моя не моя, — вздохнул Веня. — Но мы хотя бы знаем, что трезубец на чипах не связан с водной нечистью.

— Скука, — отмахнулась Шиша. — Ни тебе проклятий, ни тебе утопленников. Одна электроника. Скука смертная.

— Теперь надо искать того, кто их паяет. У нас есть зацепка — мужик из энергонадзора...

— Идём к Нафане, — перебила Шиша. — Думать будем.

Они уже собирались уходить, когда Веня заметил вывеску:

«Ёшкин сервис. Ремонт бытовой техники. Быстро. Недорого. С душой. ИП Ёшкина Ядвига Карловна».

— Странное название, — сказал он.

— Заглянем? — неожиданно предложила Шиша. — Чем чёрт не шутит. Может, эта Ёшкина и есть наша техномагиня.

— Вы серьёзно?

— А почему нет? Бабки-ведьмы — они себе на уме. Могут и технику чинить, и чипы паять. А уж если у нее есть мотив, то может и вредить от души. Плюс у неё ИП. Сразу видно — человек с размахом.

Веня с сомнением посмотрел на дверь, но всё же толкнул её.

Внутри мастерская оказалась маленькой, заваленной старыми телевизорами, пылесосами и микроволновками. Пахло припоем, озоном и почему-то пирогами с капустой. За верстаком сидела пожилая женщина в цветастом фартуке и с лупой на лбу. Она что-то колдовала над платой, из которой торчали разноцветные провода, напоминая хирурга, оперирующего дикобраза.

— Здравствуйте, — сказал Веня.

— Ась? — женщина подняла голову, и лупа съехала набок. — Вы по записи? У меня сегодня уже три телевизора и один робот-пылесос. Больше не возьму, у меня режим.

— Мы не по ремонту, — вмешалась Шиша, входя следом. — Мы по делу. Вы Ядвига Карловна?

— Ну я, — насторожилась старушка. — А вы кто?

— Сыскное агентство «У Шиши». Расследуем аномалии в соседнем ЖК.

Ядвига Карловна поперхнулась, сняла лупу и уставилась на них с таким видом, будто её застукали за кражей государственной тайны. Причём не какой-нибудь там мелкой, а сразу с грифом «совершенно не ваше дело».

— Какие ещё аномалии? Я ничего не знаю! Я техникой занимаюсь, а не... — Она запнулась, подбирая слово. — И вообще, вы кто такие? Из... из этих? — Она покосилась на заштопанное окно.

— Из каких «этих»? — прищурилась Шиша.

— Ну... из тех, в чёрном. Которые приходят и угрожают.

Веня переглянулся с Шишей.

— Кто угрожает?

— Да приходили тут неделю назад. Двое. В костюмах, с лицами, как у покойников. Такие... нейтральные. На них смотришь — и сразу забываешь, зачем смотрел. Сказали, что

я должна прекратить ремонтировать технику из «Тихого Омута». А если уж приносят — не лезть внутрь, не менять детали, не колдовать. А просто отдавать обратно и говорить, что «не подлежит восстановлению». Я так и делаю! — возмутилась она. — А они всё равно ходят и вынюхивают. Вон, вчера опять заглядывали. Проверяли. Даже чай не попили — сразу видно, люди неприятные.

— И вы послушались? — спросила Шиша.

— А что мне оставалось? — вздохнула старушка. — Я, ведьма, а не самоубийца. С «Конторой» связываться — себе дороже. Они и не такое могут. У меня соседка однажды с ними поспорила — так ей холодильник неделю цитировал уголовный кодекс. Статья за статьёй. С комментариями.

— Мы не из этих, — успокоила её Шиша. — Мы из сыскного агентства. Мы не запрещаем. Мы, наоборот, разрешаем... иногда.

Квазимода, до этого мирно сидевшая на плече у Шиши, вдруг насторожилась. Её глаза моргнули, и она издала короткое, необычно низкое:

— Ква.

— Тихо, — сказала Шиша, но не Вене — лягушке. — Чувствуешь?

Квазимода спрыгнула на пол и неторопливо, но целеустремлённо заковыляла к верстаку. Обогнула груды телевизоров (один из них тихо пискнул, словно от неожиданности), перепрыгнула через паяльник и замерла перед радиоприёмником.

— Ква-а-а, — протянула она тоном опытного эксперта, обнаружившего вопиющее нарушение техники безопасности.

— Что она делает? — шёпотом спросил Веня.

— Работает, — так же шёпотом ответила Шиша. — Квазимода чувствует магию. Даже ту, которую умные люди называют «инновационными технологиями».

Лягушка подпрыгнула и приземлилась прямо на плату. Её лапка нажала на контакт.

Приёмник ожил.

Зашумел.

Засвистел.

И бодро, без всякого вступления, выдал:

— Расцвели яблони и груши...

Голос был женский, но с таким металлическим призвуком, будто певица была роботом, а звукорежиссёр — садистом.

— Катюша, — констатировал Веня.

— Только её и передает, — вздохнула Ядвига Карловна. — Я уже думала, может, он патриот. Или у него просто вкус лучше, чем у других.

Квазимода нажала ещё на один контакт — и приёмник мгновенно затих, как будто его застукали.

Лягушка довольно квакнула и вернулась к Шише с видом: «Ну, кто тут теперь академик?»

— Ну? — спросила Шиша.

— Ква, — сказала Квазимода и кивнула на приёмник. Потом — на окно.

И ещё раз — выразительно.

— Понятно, — кивнула Шиша. — Внутри чип. Такой же, как в пылесосах. И он завязан на сеть «Конторы». А её люди следят, чтобы никто не лез внутрь и не портил им... эксперимент.

Ядвига Карловна побледнела.

— Батюшки-матушки, куда вы меня втравили, они ж теперь всё знают, — пробормотала она. — Хоть в лес мигрируй. Там хоть волки — если и сожрут, то по-простому, без мучений.

— Похоже действительно знают, — подтвердила Шиша. — Академик, записывай: техномаг либо работает на «Контору», либо очень наглый. Пока не ясно, что хуже. Но техника в ЖК уже заражена, а «Контора» следит, чтобы никто её не лечил.

— Записал, — автоматически сказал Веня, уже строча в блокноте.

— А что же мне теперь делать? — испуганно спросила Ядвига Карловна.

— Ничего, — сказала Шиша. — Делайте вид, что вы обычная законопослушная ведьма. Это, кстати, редкость. Как белый ворон в чёрном лесу.

— Я и есть законопослушная! — возмутилась старушка.

— Вот и продолжайте. А мы разберёмся.

Она повернулась к Вене:

— Пошли, академик. Теперь это точно не просто халтурщик с паяльником.

Веня кинул последний взгляд на приёмник, который снова лежал тихо, скромно и подозрительно невинно, на Квазимоду, которая впервые проявила талант детектора магии, а потом на банку, где Фекла дремала, свернувшись калачиком.

— А это что? — спросил он, показывая на банку.

Шиша медленно повернула к нему голову.

— Веник... — сказала она язвительно. — Это Фекла. Вы с ней, между прочим, уже знакомились. Или ты думаешь, я по офису банки с лягушками просто так расставляю, для интерьера? Чтобы стиль такой болотный был?

Веня кашлянул.

— Я... э-э... уточнял функционал.

— Конечно, — кивнула Шиша. — Сначала не запоминаем, потом уточняем. Классический научный подход.

Квазимода тихо, но одобрительно квакнула.

— Так вот, — продолжила Шиша. — Фекла — моя вторая помощница. В отличие от некоторых, работает молча и без лишних вопросов.

— Она тоже детектор магии? — осторожно спросил Веня, решив, что хуже уже не будет.

— Нет, — Шиша усмехнулась. — Она разгребает последствия. Квазимода находит — Фекла убирает. Чистит, обезвреживает, глушит фон. Если Квазимода — детектор, то Фекла — нейтрализатор.

Вениамин с уважением посмотрел на банку со спящей лягушкой.

Они вышли из мастерской, и Веня облегчённо выдохнул.

— Ну что, — спросил он. — Ещё одна версия отпала?

— Похоже на то, — кивнула Шиша.

Она посмотрела на часы.

— Уже поздно. Давай завтра сходим к Нафане. А сегодня — отдыхать. И не спорь.

Веня хотел возразить, но Шиша уже шагала в сторону метро, и ему ничего не оставалось, кроме как догнать её.

Кабинет был погружён в полумрак. Только настольная лампа бросала жёлтый свет на бумаги, разложенные в идеальном порядке, словно даже хаос здесь допускался только по предварительной записи.

Профессор Ложкин сидел в кресле и смотрел в экран ноутбука, где мерцала картинка с камеры наблюдения.

На экране был вход в мастерскую Ядвиги Карловны.

И два человека — Веня и Шиша, выходящие из двери.

— Объект «Клыков» продолжает расследование, — сказал Ложкин, не оборачиваясь.

Из тени в углу кабинета выступила фигура. Человек в чёрном костюме, с гладко зачёсанными волосами и лицом, которое запоминалось ровно на три секунды, а потом вежливо стиралось из памяти.

— Мы заметили, — сказал человек. — Он допросил ведьму. Полезной информации не получил.

— Не получил, — медленно повторил Ложкин, увеличивая изображение. — Или получил, но пока не понял, что именно.

Он щёлкнул мышью. На экране застыла Ядвига Карловна в дверном проёме — маленькая, встревоженная, с прижатой к груди лупой.

— Старая лиса, — сказал профессор. — Такие всегда знают больше, чем говорят. И живут дольше тех, кто задаёт им лишние вопросы.

— Прикажете её убрать?

— Нет.

Ложкин ответил так спокойно, будто речь шла не о человеке, а о сломанном приборе, который пока нецелесообразно списывать.

— Она не опасна. Но может пригодиться. Если Клыков вернётся к ней, она скажет ему ровно столько, сколько нужно, чтобы он пошёл дальше.

Человек в чёрном подошёл к столу, взял папку с надписью: «Клыков В.С. — эксперимент № 7» и раскрыл.

— Стабильное превращение, — прочитал он. — Когнитивные функции сохранены. Физические показатели выше среднего. Обоняние — уникальное.

Он закрыл папку.

— Ценный экземпляр.

— Именно, — кивнул Ложкин. — И обидчивый. Такие обычно самые полезные.

— Он отказался от сотрудничества.

— Пока.

Человек в чёрном чуть приподнял голову:

— Вы полагаете, он передумает?

Ложкин усмехнулся и откинулся на спинку кресла.

— Я полагаю, что он учёный. А учёные плохо переносят неизвестность. Он будет искать ответы, выстраивать схемы, сопоставлять факты, делать выводы. И рано или поздно упрётся в простую мысль: мир устроен сложнее, чем он думал, а мы в этом мире уже заняли все удобные места.

— Он уже разобрался с чипами и почти вышел на нас.

— Пусть выходит, — равнодушно сказал Ложкин. — Иногда лучший способ направить человека — не мешать ему идти самому.

Он взял со стола ручку и покрутил её в пальцах.

— Каждый следующий шаг должен убеждать его в одном: мы везде. В технике. В документах. В домоуправлениях. В тех, кто наблюдает. В тех, кто запрещает. В тех, кто потом предлагает помощь.

— А если он всё равно попытается бороться?

— Попытается, — согласился Ложкин. — Это полезно. Человеку его склада нужно некоторое время, чтобы исчерпать иллюзии. И гематоген.

Человек в чёрном молчал.

— А когда исчерпает, — продолжил профессор, — он сам придёт к правильному выводу. Не потому, что мы заставим. А потому, что всё остальное покажется ему хуже.

— А шишимора?

— Шишимора старая, умная и слишком хорошо чувствует, когда в её болото лезут в сапогах. Но если Клыков задержится рядом с ней дольше, чем планировалось... тем лучше.

— Для нас?

— Разумеется. Нежить, которая знает нежить, — удобный проводник. Особенно если уверена, что действует по собственной воле.

Человек в чёрном убрал папку под плащ.

— Приказ?

— Наблюдение усилить. Не вмешиваться без необходимости. И дайте ему немного побед.

— Побед?

— Самую малость, — сказал Ложкин. — Для самооценки.

Он посмотрел на экран, где Веня и Шиша стояли возле мастерской.

— Пусть думает, что продвигается. Пусть думает, что раскручивает клубок. Когда человек уверен, что сам нашёл истину, он держится за неё куда крепче.

Человек в чёрном кивнул и растворился в тени.

Ложкин выключил ноутбук, встал и подошёл к окну.

За стёклами темнел вечерний город — огромный, равнодушный, полный огней, проводов, сигналов, голосов и чужих решений.

Где-то там жил теперь один упырь, который всё ещё считал своё расследование собственным выбором.

— Играем в долгую, Вениамин Сергеевич, — тихо сказал профессор.

Они вернулись в агентство, когда на улице уже стемнело. Лешик, на удивление, не спал, а сидел на диване и пил квас.

— Ну что, — спросил он, — сходили в фитнес-клуб?

— Сходили, — сказала Шиша. — Но русалки не виноваты.

— А я что говорил? — Лешик довольно крикнул. — Не ищите зло там, где его нет. Ищите там, где оно прячется.

— И где же?

— В подвале, — Лешик отхлебнул кваса. — Я ж вам говорил. Кто в подвале прячется, тот и свечку зажёт. Или паяльник.

Веня устало сел на стул.

— Значит, завтра идём в техподполье, — сказал он. — И надеемся, что техномаг ещё там.

— Надежда — плохой план, — заметила Шиша. — Но другого у нас нет.

— Квазимода, сделай нам кофе, — попросил Веня.

Лягушка посмотрела на него с выражением «я лягушка, а не бариста», но спрыгнула на пол и поскакала к турке.

— Командная работа, — похвалила Шиша.

— Или безысходность, — тихо ответил Веня.

Он сделал глоток кофе.

И подумал, что, возможно, к такой жизни можно привыкнуть.

Кофе, по крайней мере, был отличный.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.